

Издатель

ФГБОУ ВО «Петрозаводский государственный университет»
Российская Федерация, г. Петрозаводск, пр. Ленина, 33

Научный электронный журнал

**Studia Humanitatis Borealis /
Северные гуманитарные
исследования**

<https://sthb.petrso.ru>

№ 1(34). Март, 2025

Главный редактор

А. В. Волков

Редакционный совет

К. К. Бегалинова
В. Вамбхейм
В. Н. Захаров
Ю. Корпела
К. Кроо
С. А. Лебедев
Б. В. Марков
А. Л. Топорков
Е. О. Труфанова
Р. Ямагути

Редакционная коллегия

С. В. Волкова
Е. Ю. Ежова
Г. В. Жигунова
А. Ф. Иванов
Л. И. Коростелева
Л. А. Ключкина
Н. И. Мартишина
Ю. А. Петровская
Н. А. Пруель
А. Ю. Тихонова
Л. В. Шиповалова

Службы поддержки

А. Г. Марахтанов
И. И. Куроптева

ISSN 2311-3049

Адрес редакции

185910, Республика Карелия, г. Петрозаводск, пр. Ленина, 33. Каб. 410.
E-mail: studhbor@petrsu.ru
<https://sthb.petrso.ru>

Содержание № 1. 2025.

ФИЛОСОФИЯ

Мисюров Н. Н. **РИХАРД ВАГНЕР О НАУЧНОЙ «ФАЛЬСИФИКАЦИИ»
ЖИЗНИ И ФИЛОСОФСКОЙ МАКСИМЕ ВРЕМЕНИ** 3 - 11

Пивоев В. М. **КАК ИЗМЕРИТЬ СОЗНАНИЕ?** 12 - 22

КУЛЬТУРОЛОГИЯ

Васильева С. В., Южаков Н. В. **ИСТОКИ ОБРАЗА МАТЕРЕЙ В ТРАГЕДИИ «ФАУСТ» И.
В. ГЁТЕ** 23 - 30

СОЦИОЛОГИЯ И СОЦИАЛЬНАЯ РАБОТА

Болясова Д. В., Карстен А. А. **ПОРТРЕТ СОЦИАЛЬНЫХ СТРАХОВ ИНОСТРАННЫХ
СТУДЕНТОВ: НА ПРИМЕРЕ ПЕТРОЗАВОДСКОГО
ГОСУДАРСТВЕННОГО УНИВЕРСИТЕТА** 31 - 37

УДК 130.3; 101.1

РИХАРД ВАГНЕР О НАУЧНОЙ «ФАЛЬСИФИКАЦИИ» ЖИЗНИ И ФИЛОСОФСКОЙ МАКСИМЕ ВРЕМЕНИ

МИСЮРОВ
Николай
Николаевич

*доктор философских наук,
профессор кафедры журналистики и
медиалингвистики,
Омский государственный университет им. Ф. М.
Достоевского,
Омск, Российская Федерация, misiurovnn@omsu.ru*

Ключевые слова:

общественная жизнь
философская мысль
действительность и идеал
сущность искусства
гений

Аннотация:

Актуальность темы исследования определена возросшим интересом в современной неклассической философии к задаче «повышения» инди-видуальности (в контексте вопроса о «духовных существованиях», поставлен-ного еще В. Дильтеем). Постановку проблемы сформулируем изречением само-го Р. Вагнера: «Цель исторического развития – сильный, красивый человек»; какими органическими и духовными силами осуществляется это «перерожде-ние» индивида? Цель исследования – вычленение доминанты вагнеровских размышлений о сущности искусства; если музыка – воплощение мысли, то ка-кова функция мысли в создании художественных «произведений будущего»? Методы исследования определены междисциплинарным характером эмпириче-ского материала. Результатами исследования можно считать атрибуцию вагне-ровской оригинальной, во многом дилетантской и вместе с тем глубоко проду-манной, безупречной в риторическом плане репрезентации своеобразной фило-софской максимы времени. Контрапункт ее – критика научного догматизма и общественного «эгоизма»; государство (совсем в духе гегелевской апологетики прусского государства) является гарантом стабильности и «спокойствия» в об-ществе; народ (немецкий народ) – хранитель «жизненных элементов» мира, а гений, творец прекрасного, служит своему народу. Констатируется, что вагне-ровские комментарии к философии А. Шопенгауэра носят этико-моралистический характер, изначальный эстетический аспект всех рассматри-ваемых проблем (сущность искусства, единство формы и содержания произве-дения, потребность человека и народа в художественном творчестве) переходит в аксиологический. Основные выводы касаются непосредственно личных взаи-моотношений композитора с философией (вопрос о ее общественных функци-ях): как «великий мастер» Вагнер, несомненно гениальный, «хотя и заблужда-ющийся» (по оценке П. Чайковского) художник, категорически не принимавший позитивизма, был противником утилитарного взгляда на науку;

необходимость «разворота» в сторону народа – очевидная перспектива развития «подлинного» научного знания в эпоху политических и социальных потрясений, череды европейских революций.

© 2025 Петрозаводский государственный университет

Получена: 28 февраля 2025 года

Опубликована: 28 марта 2025 года

Введение

Устои, на которых покоились до сих пор «барыш, торговля и богатство», в настоящий момент представляются далеко не прочными, – заявлял Р. Вагнерⁱⁱⁱ в известном манифесте («Искусство и революция», 1849), – грозные события потрясают не только основы «социального здания», которые уже не спасти быстрой сменой правительства, «великая битва на улицах» вызывает замешательство не только у представителей состоятельного и «беззаботного» класса общества, но наносит ущерб, парализует впавшего в отчаяние одинокого художника [1: 107].

Современное искусство есть порождение так называемого цивилизованного мира, – говорил он, – «его истинная сущность – индустрия, его эстетический предлог – развлечение для скучающих», спекулируя на достижениях прошедших веков (древнегреческая трагедия и философия, рыцарская поэзия, чувственное искусство Возрождения, театр французского классицизма и прочее) оно обслуживает промотавшихся аристократов, банкиров и государственных чиновников, обывателей, «не брезгует даже лептой бедняка», обольщает, деморализует и «лишает человеческого облика все, что только поражено ядом его соков» [1: 118]. Обосновавшись по преимуществу в театре (итальянская опера – непременно в каждом светском салоне, почти в каждом европейском городе), оно является выражением «доминирующей тенденции» общественной жизни буржуазной эпохи. Видимый, на самом деле – кажущийся, расцвет его есть в действительности «пустоцвет» бездушного и противоестественного «гнилого» общественного строя. Таким образом, вопрос о сущности искусства – вопрос не об абстрактных эстетических «дефинициях» самого предмета искусства, не о природе и парадоксах «прекрасного», но чрезвычайной важности социальный вопрос об обосновании его как специфической функции общественной жизни [1: 108].

Воздействие философии на наше обыденное сознание заключается в том, – указывал Г. В. Ф. Гегель, – что она должна пробудить «потребность в собственно философском способе познания», истинное содержание нашего сознания в форме мысли и понятия «впервые выявляется в своем настоящем свете» и сохраняется в «привычных» представлениях, образуемых тем или иным родом человеческой деятельности, поскольку упускается различие между понятиями и представлениями, то происходит невольная подмена «непосредственным» знанием познания «истинного» и объективного – в предметах и событиях, в чувствах, созерцаниях и мнениях [2: 8]. Некоторые согласны с тем, – иронизировал он, – что необходимо изучить сапожное дело и упражняться в нем, чтобы изготовить башмаки, обладая при этом определенной «природной ловкостью», но «походя философствовать» и судить о философии берутся многие, имеющие об этой науке самые ничтожные сведения. Между тем, подлинным содержанием философии («которое первоначально порождено и ныне еще порождается в области живого духа, образуя мир внешний и внутренний мир сознания») является действительность; в «обширном царстве» наличного бытия далеко не каждый способен увидеть и различать преходящее и незначительное, «случайное», и обладающее куда большей ценностью «возможное», имеющее отношение и к идеям, и к высокому духовному идеалу.

Основное содержание

Научная «обработка» материалов исторического процесса – описания и анализа развития человечества пока не создана, – констатировал В. Дильтей, – «влияние общественной среды и окружающего духовного мира» не исследовано должным образом как раз философией; с трудом поддаются анализу условия, при которых «развертывается» всякое «Я», поскольку исследователю необходимо не только вывести отношения «душевной структуры» из отношений «целесообразности и ценности жизни», но каким-то интуитивным чувством уловить тонкую «господствующую» взаимосвязь души с «чеканной» формой всякой полноценно развивающейся и самодостаточной жизни, ощутить «дуновение бесконечности» [3: 256].

Вся прежняя философия, – утверждал постоянно упоминаемый Вагнером в своих полемических сочинениях А. Шопенгауэрⁱⁱⁱ, – и философия нынешняя – после Канта и Гегеля (Фихте он сильно

недооценивал, Фейербаха упрямо игнорировал) – давно уже принуждена была «всецело служить средством для официальных целей», что касается философских размышлений в «частных» целях, то всякий критически мыслящий человек, не смущаясь трудностями и неизбежными ошибками на пути познания, должен найти себе опору в уверенности, что все «истинное» и «сокровенное», осмысленное им самим, непременно будет когда-нибудь воспринято другим «мыслящим духом», станет утешением ему в «жизненной пустыне» (очевидно, перифраз библейского «в пустыне приготовьте путь Господу, прямыми сделайте стези ему», Мф. 3:3). В философских размышлениях, отличающихся искренностью и «безусловной честностью», только лишь то, что каждый глубоко продумал и тщательно исследовал для себя самого, впоследствии пойдет впрок и другим, но совсем не то, что с самого начала заранее было предназначено для других; «самих себя мы не стараемся обманывать и не дарим себе пустых орехов; вот почему всякая софистика и всякое пустословие отпадают», каждый написанный фрагмент или же раздел какого-то философского труда обязательно вознаграждает умственные усилия, потраченные на его прочтение [8: 10]. Философия «ничего не предполагает известным», но все для нее в одинаковой мере «составляет» проблему – не только взаимодействия предметов и явлений, но сами эти явления, даже самый «закон основания», кроме того, «самый род подобной связи представляет для нее такую же проблему, как и связываемое, а последнее остается загадкой и после раскрытия связи, как и до него»; в отличие от других наук философия – «общее» знание, основные принципы которого не могут быть выводами из какого-нибудь другого знания, «доказательства не могут быть ее фундаментом, так как они из известных принципов выводят неизвестные; для нее же все одинаково неизвестно и чуждо»; именно то, что является «предпосылкой» различных наук, их основой, а также «пределом», это – «подлинная» проблема философии [8: 84]. Современная философия допытывается вовсе не того, для чего существует мир, а того, что он есть такое.

К современной философии (в уничижительном обозначении – к «философскому факультету»), как и вообще к язвительно описываемой «чистой науке и ее вечному прогрессу», у Вагнера как художника, придерживавшегося самых передовых взглядов, была масса претензий. Он осмеивает «круговорот полезности» в академической жизни, деятельность финансово поддерживаемых и идеологически опекаемых германским государством университетов, он издевается над «мужами академического ранга», неукоснительно следующими министерским предписаниям и мнениям высокопоставленных чиновников в намерении ни много ни мало «принести спасение миру», нарочито удивляется тому, что перевернувшая с ног на голову отношения искусства и действительности филология и позитивистское естествознание идут рука об руку в деле народного образования и в совместных проектах «улучшения» взаимодействия имперских учреждений с подданными. О «прогрессе» (это слово всюду у него в закавыченном виде) отечески заботится правительство, тратящее на это немалые деньги, и «одни только секции естествознания» во главе с вездесущей химией; («благодаря своим популярным полезным отраслям она, конечно, вторгается в практическую жизнь, что особенно заметно по прогрессирующей научной фальсификации нашей жизни»); результаты ее, разумеется, направлены на пользу общества, ими «облагодетельствованы» зоология и биология, им же, а также многочисленным открытиям в области физики должна быть благодарна новейшая философия [1: 643]. Субъект, осуществляющий «чистое познание»^[iiii] («образованный филистер»), всю свою жизнь проводит за университетской кафедрой, «для знакомства с жизнью в его распоряжении нет более широкого поприща, чем это», соприкосновение с так называемой действительностью бытия для него подобно «блужданию в бесчувствии» [1: 646]. Сарказм не сразу и прочитывается в этом «панегирике» естественным наукам, но не ошибемся, если сочтем сказанное за резкую критику «позитивной» философии, «соприкасающейся с государственной теологией», чьи идеи вызывают в общественной жизни лишь «колебания, которые легко можно выдать за живую жизнь и движение прогресса» [1: 644]. В новомодных «отраслях» философии «глумливо» отвергается любая попытка «метафизическим путем объяснить явления, которые остаются непонятными для чисто физического познания мирового бытия» [1: 645]. Так как с прогрессом естественных наук все тайны бытия должны, казалось бы, быть раскрытыми (на самом деле, это всего лишь «воображаемые тайны»), то дальнейший ход «познавания» может привести наконец к «постижению таких отношений, которые оставались недоступными для абстрактно-научного познания»; все, что не объяснимо с точки зрения так называемого «исторического» метода в науке, что не поддается анализу логики под руководством всемогущей химии, объявляется «метафизическими излишествами». Дело обстоит столь скверно, заявляет Вагнер, что, похоже, немногие смогут разделить с гётевским Фаустом «радость познания». А как же «общее благо», о котором пекутся власти и ученое сообщество?

«Антихудожественный» строй современной буржуазной жизни Р. Вагнер объяснял в одной из

своих знаковых работ («Произведение искусства будущего», 1849) распространенным пренебрежением одной из важнейших жизненных потребностей человека – мышлением («способностью не только ощущать действительное и известное в соответствии с внешними проявлениями, но и различать по существу, охватить и представить его во взаимосвязях»), между тем как человеческая мысль является результатом высшей деятельности духа; там, где мысль перестает замечать взаимосвязь всех звеньев некоей одной цепи, составляющую совокупность чувственного бытия природы, где индивидуальный дух начинает считать себя не вторичным и обусловленным, а изначальным и безусловным, там воцаряется «безграничный произвол» – свобода («как думают наши метафизики»), которая, «подобно вихрю безумия», врывается в мир действительности [1: 154-155]. Природа, действительность, человек получают оправдание своего существования лишь в том случае, если дух («абсолютный, несущий в самом себе свою причину и основание, сам себе закон») вправе распоряжаться ими по «суверенному» своему желанию. Если же дух объявляется «необходимостью», тогда природа оказывается «фантастическим карнавалом», пустым времяпровождением, «легкомысленным капризом духа»; тогда все человеческие добродетели, и прежде всего любовь, оказываются чем-то, что можно по желанию принять либо же отринуть;

«...Тогда все богатства природы оказываются чем-то ненужным, а все извращения культуры чем-то необходимым; тогда счастье человека – лишь мелочь, а главное – государство; народ – лишь случайный материал, а князь и интеллектуал – потребители этого материала» [1: 155].

Все, за что мы беремся, – говорил Шопенгауэр, – оказывает сопротивление, ибо все, наделенное собственной волей, «надлежит преодолеть». История, изображая величественные картины жизни народов, повествует нам больше о войнах и возмущениях, мирные годы мелькают подобно театральным антрактам. Таким же образом жизнь каждого отдельного человека есть непрестанная борьба – с нуждой или со скукою, с другими людьми. По поводу человеческой природы он ригористично замечал (в «Афоризмах житейской мудрости», 1851): всматриваясь в «человеческую негодность», ужасаешься «злополучности» человеческого существования; убеждаешься тому, что они уравнивают друг друга, часто возмущающие нас в обыденной жизни *miseria humana* и *nequitia humana* нераздельны; становясь причастным «вечной» справедливости, начинаешь понимать, почему все живое «должно искупать свое существование сначала жизнью, а затем смертью»; таким образом, наказание всегда идет рядом с грехом [9: 170]. Не следует думать, что этот порядок и данный ход вещей когда-либо изменится в лучшую сторону. Человек же не меняется на протяжении всей его жизни, следовательно, моральный характер его остается одним и тем же, «он должен разыгрывать принятую им на себя роль»; поскольку его не могут исправить ни опыт, ни философия, ни религия, то возникает вопрос: зачем же тогда жить?

«К чему разыгрывать этот фарс, в котором все существенное установлено непреложно? Затем, чтобы человек познал себя, чтобы он увидел, что есть то, чем он хочет быть, захотел быть; это познание должно быть дано ему извне. Жизнь для человека совершенно то же, что химические реагенты для тел: лишь на них обнаруживает тело, что оно есть, и лишь поскольку оно обнаруживает себя таким образом, оно есть» [10: 89].

Этика в изложении университетских профессоров, все еще апеллирующих к авторитету кантовского принципа морали, никуда не годится, пустота ее уже не раз доказана, заявлял Шопенгауэр; вообще, если спросить, на чем основывается это предполагаемое достоинство человека, то ответ сводится к тому, что оно основывается на нравственности человека. Итак, нравственность основывается на достоинстве, а достоинство – на нравственности? Какая-то казуистика! Смешно говорить о достоинстве человека, существа с греховной волей, с ограниченным духом, с таким хрупким телом.

«В состоянии невинности, при котором зло вследствие недостатка в искушении остается нереализованным, человек представляет собою как бы аппарат для жизни, а того, для чего этот аппарат существует, еще нет в наличии. Такая пустая форма жизни, пустая сцена, как и всякая так называемая реальность, сама по себе ничтожна, и так как она может получить значение лишь через поступки, заблуждение, познание, через конвульсии воли, то характерною чертою ее служит трезвость, глупость» [10: 91].

Собственная его этика – не кантианская по определению (см. специально: [18]).

Искусство, – особо подчеркивал Шопенгауэр, – это – создание гения: «оно воспроизводит постигнутые чистым созерцанием^[iv] вечные идеи, существенное и постоянное в явлениях мира, и в зависимости от материала, в котором оно их воспроизводит (изобразительное искусство, поэзия или музыка); его единственный источник – познание идей, его единственная цель – передать это познание»; в то время как наука, следуя за непрерывным потоком всевозможных оснований и следствий, после

каждой достигнутой цели идет все дальше и никогда не может обрести конечной цели, полного удовлетворения, искусство всегда нацелено на объект своего созерцания, вырванный из мирового потока и поставленный изолированно; «отдельное явление, которое в жизненном потоке было исчезающе малой частицей, становится для искусства эквивалентом бесконечно многого в пространстве и времени» [8: 164]. Искусство задерживает колесо времени, прожитые земные годы – суть минуты для создавшего бессмертное творение; все отношения исчезают, остается только существенное, «идея – вот его объект». Недостаток способности «правильного суждения» обнаруживается в том, что в каждом почти столетии «почитаются превосходными творения прежнего времени», но не признаются таковыми гениальные творения текущей эпохи, предпочтение отдается «плохим» («посредственным», в вагнеровском уточнении) созданиям, с которыми критики и публика «нянчатся» на протяжении десятилетия, чтобы потом быть забытыми и даже «подвергнуться осмеянию» последующего поколения. Следовательно, если люди с таким трудом признают заслуги талантливых современников, то это доказывает лишь, что они не умеют ни ценить, ни понимать подлинные шедевры искусства, произведения гения, ни наслаждаться ими.

Трудным вопросом Вагнер называл основополагающий вопрос о методах «науки познания», метафорически обозначенный им образом «ребенка, излучающего на мир солнечный свет, обретшего силу необходимости решения стать Спасителем» (имеется в виду младенец Иисус со знаменитой «Мадонны с младенцем» Рафаэля); никаким «естественным» инстинктом, никаким рациональным «свободным» умом не постичь того, что все только «означает» нечто безусловное и неподвластное человеческому разуму, мы можем только вопрошать: все это существующее, все познаваемое «есть ли на самом деле»? [1: 649].

Мерилом эволюции человека популярная тогда философия Г. Спенсера определяла «степень воспроизведения» (возрастания «определенности» интеграции и возрастание «разнородности сложения») основных элементов интеллектуального развития: образование простого рассуждения предполагает воспроизведение восприятий, а сложное рассуждение предполагает воспроизведение результатов простого рассуждения; таким образом, «с возрастанием интеллектуальности неизбежно возрастает и удаленность от ощущения»; генезис эмоций зависит от последовательности шагов от простых ощущений к ощущениям «воспроизводительных групп»; общие идеи возникают тогда, когда социальные условия позволяют сделать опыт «количественно большим и более разнообразным» [6: 240-241] (см. также: [17]).

В отличие от позитивистов Шопенгауэр как продолжатель (в определенной мере еще и антагонист) философских традиций немецкого романтизма делал акцент на «самоценном» индивидууме.

В действительности, – писал он, – «существует два противоположных способа сознавать свое собственное существование: первый – в эмпирическом созерцании, каким оно представляется извне, как нечто бесконечно малое в безграничном по времени и пространству мире, как нечто, обновляющееся среди тысячи миллионов человеческих существ, обитающих на земном шаре в чрезвычайно короткий период; второй, когда, погружаясь в свое внутреннее Я, мы сознаем себя как единственную собственно действительную сущность, существо, которое в других таковых же, как извне данных, познает себя, как в зеркале» [9: 172].

Первым способом выявляется индивидуум, второй представляет непосредственное познание самого себя как кантовской «вещи в себе».

«Хотение» жизни присутствует в каждом отдельном «мельчайшем» существе нераздельно и в такой полноте, как во всех остальных существах, вместе взятых; на этом основании всякое самое ничтожнейшее существо имеет право сказать: “*Dum ego salvus sim, pereat mundus*” («Пусть гибнет мир, лишь бы Я уцелел»).

«Если мы представим себе существо, способное все познать, понять и предвидеть, то для него не будет иметь никакого смысла вопрос, будем ли мы продолжать существовать после смерти; ибо за пределами нашего временного, индивидуального существования понятия продолжения и прекращения лишены всякого смысла; вследствие чего к нашему настоящему и истинному существу были бы неприменимы понятия ни исчезновения, ни продолжения, ибо они заимствованы из времени, представляющего собою только форму явления» [9: 209].

Действительно, если бы погибли все прочие существа, то в этом одном уцелевшем все-таки продолжала бы существовать ненарушимо вся «сущность мира». Довод, которому с таким же правом, замечал он, можно противопоставить другой, тот, что если бы было уничтожено какое-либо, хотя бы самое незначительное, существо, то в нем и вместе с ним погиб бы целый мир.

«Обвенчанный» с мелодией поэт, – объяснял таинства творчества Вагнер, – повелевает самой природой, «музыкальная чувственная сила» обретает способность переходить во «все более и более определенное содержание», благодаря чему «резко очерченный, приобретший пластическую индивидуальность» человеческий образ высвобождается из «одеяния обыкновенного смертного»; эта свобода чувства есть «ясно возведенное бессознательное», оправдание «бесконечно широкого содержания»; его разумная мысль проникает до первоисточника своего творчества; все противоположности примирены между собой, каждый словесный стих, «стремящийся к единству», каждая вокальная мелодия, получившая свое «цельное, безошибочно воздействующее на чувство выражение», обусловлены сущностью абсолютного, «чисто человеческим чувством» бесконечного; гармония – «рождающийся» элемент всякого произведения [1: 434-435, 439-440, 442-443]. «Чистую» гармонию способен создать только музыкант, но не поэт.

Итак, философу времени, согласно Р. Вагнеру, можно сформулировать известным латинским изречением “*mundus vult decipi*” («мир хочет быть обманутым»); «неприятное соображение» по поводу предпринимаемого им исследования (что «хорошо» и что «плохо» с точки зрения социологической критики – в отношении читающей публики и театральной немецкой публики), признает он; способность к восприятию душевных переживаний и художественных впечатлений загублена общественной средой, типично немецкая сердечность и правдивость, пусть и провинциальное простодушие, органично переплетающееся с самобытностью, пусть и соединенная с инертностью «истинная» душевная стихия, – все испорчено «свирепствующей» журналистикой, философия (рьяно следующая популярной теперь теории Ч. Дарвина, сам же он «честно и осторожно» отнесся к своей гипотезе) объявляет все эти понятия «спонтанными» [1: 633-634].

И все же, невежество, выявляемое соблюдением этой максимы, он не склонен был считать абсолютным проявлением «дурного» (различие между «хорошим» и «плохим» в искусстве не затрагивает нравственного содержания художественной формы творения); человек, «простодушное дитя мира», хотя и заблуждается «насчет подлинного значения жизни», как существо «наполовину еще тупое, но уже наполовину разбуженное», старается всеми силами пробиться через беспрестанно возникающие на его жизненном пути препятствия, стремится найти подходящее выражение для своего пока еще невнятного для окружающих «дремлющего» таланта [1: 638]. Популярность – результат «сомнительных» отношений между свободным искусством и привыкшей «обманываться» общественностью.

Заключение

«Естественное» (утвердившееся еще в «Век разума» рационалистическое, основанное на фактах естествознания) понимание жизни не учитывало два существенных момента, отмечал В. Дильтей: во-первых, развитие зависит от возрастания количественных различий в «задатках», но индивидуальность не содержится уже в различиях изначально, а лишь возникает из них «путем сплетения их в единое, подчиненное целесообразности целое», она не прирождена, а складывается лишь в процессе развития; во-вторых, непременным условием «повышения индивидуальности» в обществе является возрастание количественных различий, обусловленных разделением труда и социально-политической дифференциацией; повышение культуры создает «более возбудимые и духовно более сосредоточенные существования», различия увеличиваются с каждым поколением; ослабление социально-политических «скреп» прежнего общества, разрушение «дедовской веры», образование собственной атмосферы «жизнепонимания» вокруг отдельного взятого человека, чему способствует «метафизическая сила» рефлексий и свободная художественная деятельность индивидуума [3: 255, 286]. Сущность философии обрела новое функциональное понимание [4] (см. также: [20]).

Эксперименты в науке, закрепившие в ученой среде «широкие полномочия» на особый скепсис, а также неограниченный прогресс в области критики «всего человеческого и нечеловеческого», – язвительно замечал Вагнер, – напоминают больше «сатурналии» (древнеримские празднества весьма фривольного характера); не каждому дано открыть «нечто новое», но каждый немецкий профессор мечтает написать книгу, которая его сделает знаменитым; ученые мужи должны повернуться к народу, пусть народ не научен должным образом «познавать», но он все же «знает» что-то особенно важное, чтит божественное, любит своих великих людей, умеет ценить гениальные творения соотечественников [1: 646-647]. Необходимо исправить сложившуюся ситуацию, положив начало подлинной популяризации «глубочайшей» науки, в первую очередь – философской.

Примечания

[i] Рихард Вагнер – в силу ряда определенных причин проблемная фигура (в советский период – «фигура умолчания») как в работах отечественных исследователей, так и зарубежных; философские взгляды его компилятивны, неочевидна связь с романтической философией, сложны отношения с философией Ф. Ницше, а Ницше с его музыкой; см. специально: [11], [12], [14].

[ii] На русской культурной почве (эпохи «великих реформ», значительно расширивших читательскую аудиторию, в среде разночинцев образованность сделалась маркером независимости мнений) увлечение его философским учением приняло особый характер; см. специально: [5].

[iii] Философия способна породить «фантазирование», предупреждал Ф. В. Й. Шеллинг, в том случае, как только «последняя» цель философского критицизма реализована в объекте в какой-либо исследуемый отрезок времени, тем самым он неизбежно превращается в догматизм как противоположную систему; «конечному» субъекту остается одно – уничтожить себя в качестве субъекта, чтобы «посредством самоуничтожения» стать тождественным объекту; познание прекращается, когда ставшая «пассивной» свобода воображения, полностью зависящая теперь от объекта, опережает действительность [7: 80]. См. также специально: [15], [17].

[iv] Эстетический способ созерцания, по Шопенгауэру, содержит два нераздельных элемента: познание объекта не как отдельной вещи, но как платоновской идеи, то есть «преобладающей формы всего данного рода вещей», а также самосознание познающего не как индивида, а как «чистого, безвольного субъекта познания»; условием, при котором эти составные элементы выступают вместе, является «отрешение от способа познания, связанного с законом основания, способа, который только и пригоден для служения воле и для науки»; «наслаждение, вызываемое созерцанием красоты, проистекает из этих элементов, притом преимущественно из одного или из другого, в зависимости от того, каков предмет эстетического созерцания» [8: 173].

Список литературы

1. Вагнер Р. Избранные работы. М.: Искусство, 1978. 695 с.
2. Гегель Г. В. Ф. Логика. М.: АСТ, 2019. 448 с.
3. Дильтей В. Описательная психология. М.: РИПОЛ классик, 2018. 290 с.
4. Дильтей В. Сущность философии. М.: Интрада, 2001. 160 с.
5. Мисюров Н. Н. «Сущность мира» или идея прогресса? Риторические коды «времени Шопенгауэра» // Вестник Омского университета. 2023. Т. 28, № 2. С. 31-37.
6. Спенсер Г. Синтетическая философия. Киев: Ника-Центр, 1997. 512 с.
7. Шеллинг Ф. В. Й. Сочинения: в 2 т. Т. 1. М.: Мысль, 1987. 637 с.
8. Шопенгауэр А. Собрание сочинений: в 6 т. Т. 1. М.: ТЕПРА; Республика, 1999. 496 с.
9. Шопенгауэр А. Собрание сочинений: в 6 т. Т. 5. М.: ТЕПРА; Республика, 2001. 528 с.
10. Шопенгауэр А. Собрание сочинений: в 6 т. Т. 6. М.: ТЕПРА; Республика, 2001. 352 с.
11. Adorno T. In search of Wagner. London: Verso Books, 2009. 159 p.
12. Bryan M. Wagner and philosophy. London; New York: Penguin Books, 2001. 397 p.
13. Campbell S., Bruno P. W. (eds.). The science, politics, and ontology of life-philosophy. New York: Bloomsbury Academic, 2013. 304 p.
14. Deathridge J. Wagner beyond good and evil. Berkeley: University of California Press, 2008. 302 p.
15. Distaso L. V. The paradox of existence: philosophy and aesthetics in the young Schelling. Dordrecht: Springer, 2004. 196 p.
16. Francis M. Herbert Spencer and the invention of modern life. Newcastle: Acumen Publishing, 2007. 434 p.
17. Gentile A. Bewusstsein, Anschauung und das Unendliche bei Fichte, Schelling und Hegel: über den

unbedingten Grundsatz der Erkenntnis. Freiburg: K. Alber Verlag, 2018. 247 p.

18. Janaway C. (ed.) *Arthur Schopenhauer: the two fundamental problems of ethics*. Cambridge: Cambridge University Press, 2014. 334 p.

19. Koslowski P. (ed.). *The discovery of historicity in German idealism and historicism*. New York: Springer, 2006. 292 p.

20. Nelson E. S. (ed.). *Interpreting Dilthey: critical essays*. Cambridge: Cambridge University Press, 2019. 287 p.

References

Adorno T. *In Search of Wagner*. London, 2009. 159 p.

Bryan M. *Wagner and Philosophy*. London; New York, 2001. 397 p.

Campbell S., Bruno P. W. (eds.). *The Science, Politics, and Ontology of Life-Philosophy*. New York, 2013. 304 p.

Deathridge J. *Wagner beyond Good and Evil*. Berkeley, 2008. 302 p.

Dilthey W. *Descriptive Psychology*. Moscow, 2018. 290 p. (In Russ.)

Dilthey W. *Essence of Philosophy*. Moscow, 2001. 160 p. (In Russ.)

Distaso L. V. *The Paradox of Existence: Philosophy and Aesthetics in the Young Schelling*. Dordrecht, 2004. 196 p.

Hegel G. W. F. *Logic*. Moscow, 2019. 448 p. (In Russ.)

Francis M. *Herbert Spencer and the Invention of modern Life*. Newcastle, 2007. 434 p.

Gentile A. *Bewusstsein, Anschauung und das Unendliche bei Fichte, Schelling und Hegel: über den unbedingten Grundsatz der Erkenntnis*. Freiburg, 2018. 247 p.

Janaway C. (ed.) *Arthur Schopenhauer: Two fundamental Problems of Ethics*. Cambridge, 2014. 334 p.

Koslowski P. (ed.). *The Discovery of Historicity in German Idealism and Historicism*. New York, 2006. 292 p.

Misyurov N. N. "The Essence of the World" or the Idea of Progress? Rhetorical Codes of Schopenhauer's Time. *Bulletin of Omsk State University*. 2023. No 2. P. 31-37. (In Russ.)

Nelson E. S. (ed.). *Interpreting Dilthey: Critical Essays*. Cambridge, 2019. 287 p.

Spencer H. *Synthetic Philosophy*. Kiev, 1997. 512 p. (In Russ.)

Schelling F. W. J. *Works: in 2 vols. Vol. 1*. Moscow, 1987. 637 p. (In Russ.)

Schopenhauer A. *Collected Works: in 6 vols. Vol. 1*. Moscow, 1999. 496 p. (In Russ.)

Schopenhauer A. *Collected Works: in 6 vols. Vol. 5*. Moscow, 2001. 528 p. (In Russ.)

Schopenhauer A. *Collected Works: in 6 vols. Vol. 6*. Moscow, 2001. 352 p. (In Russ.)

Wagner R. *Selected Works*. Moscow, 1978. 695 p. (In Russ.)

RICHARD WAGNER ON THE SCIENTIFIC “FALSIFICATION” OF LIFE AND THE PHILOSOPHICAL MAXIM OF TIME

MISYUROV
Nikolay

*PhD in Philosophy,
Professor of the Department of Journalism and Media
Linguistics,
Omsk Dostoevsky State University,
Omsk, Russian Federation, misiuovnn@omsu.ru*

Keywords:

social life
philosophical thought
reality and ideal
essence of art
genius. Richard Wagner on the
scientific “Falsification” of
Life and the philosophical Maxim of
Time

Summary:

The relevance of the research topic is determined by the growing interest of contemporary non-classical philosophy in the “enhancement” of individuality, particularly in light of the question of “spiritual existences” posed by Wilhelm Dilthey. The research problem is posed using Richard Wagner’s own assertion: “The goal of historical development is a strong, beautiful person”. Thus, the question is by what organic and spiritual forces this “rebirth” of the individual is achieved? The objective of this study is to elucidate the central themes in Wagner’s reflections on the nature of art. If music represents the embodiment of thought, what role does thought play in the creation of artistic “works of the future”? The choice of the research methodology is determined by the interdisciplinary nature of the empirical material analyzed. The findings of this study attribute to Wagner a unique, albeit somewhat amateurish, yet profoundly considered and rhetorically refined representation of a philosophical maxim of time. Its counterpoint is the criticism of scientific dogmatism and social “egoism.” In Wagner’s view, the state – quite in the spirit of Hegelian apologetics of the Prussian state – serves as a guarantor of stability and “tranquility” within society, the (German) people are portrayed as the custodians of the world’s “vital elements”, while a genius who creates beauty serves his people. Moreover, Wagner’s comments on Arthur Schopenhauer’s philosophy exhibit an ethical-moralistic dimension, transitioning from an initial aesthetic focus on all the issues under consideration – the art’s essence, the unity of form and content, and the individual’s and people’s need for artistic expression – to a more axiological perspective. The principal conclusions underscore Wagner’s personal engagement with philosophy, particularly regarding its social functions. As a “great master,” Wagner is recognized as an undeniably brilliant artist – albeit one whom Pyotr Tchaikovsky described as “mistaken” – who firmly rejected positivism and opposed the utilitarian perspective on science. The imperative for a “turn” towards the people is presented as a clear pathway for the evolution of “genuine” scientific knowledge amidst the political and social upheavals of his time, including a series of European revolutions.

УДК 141.154

КАК ИЗМЕРИТЬ СОЗНАНИЕ?

ПИВОЕВ
Василий
Михайлович

*доктор философских наук,
профессор кафедры социально-экономических,
гуманитарных и специальных дисциплин,
Всероссийский государственный университет
юстиции (РПА Минюста РФ),
Петрозаводск, Российская Федерация, pivoev@mail.ru*

Ключевые слова:

мера
информация
пространство
время
энергия
реальность объективная и
субъективная

Аннотация:

Отказ от диктата материалистической теории понимания мира побуждает нас вновь вернуться «назад к Канту», который полагал, что мы живем не в объективной реальности, а в субъективной. Процесс познания заключается в «различении», выявлении неиз-вестного в известном. Мотивация познавательной деятельности связана с поиском средств удовлетворения наших потребностей для гарантии благополучного существования. В основу осмысления реальности мира, в котором мы существуем, автор полагает энергию как фундаментальную субстанцию, информацию как меру разнообразия, время как трату энергии, многомерное пространство объективной реальности, духовную сферу смыслов субъективной реальности.

© 2025 Петрозаводский государственный университет

Получена: 28 февраля 2025 года

Опубликована: 28 марта 2025 года

Введение

На вопрос «Как измерить сознание?» обычно отвечают: «Никак, поскольку измеряют нечто конечное, а сознание бесконечно». Для такого ответа есть достаточно оснований. И все же нужно уточнить: «А зачем его измерять? Но если же измерять, то какой мерой?» В фармакологии используется латинский термин «Quantum Satis», который переводится «как получится» или «на глаз», – то есть используется интуитивно выбранная произвольная мера.

Измерение считается одной из важнейших задач и функций познавательной деятельности, связанных с *различением*. Чтобы познать «что есть сознание» необходимо отличить его от иных феноменов, например, от мистического переживания, экстаза, личностного и коллективного бессознательного, перинатального опыта и т. п.

В. И. Молчанов в замечательной книге «Различение и опыт» задает вопрос: «Почему, пока нас не спрашивают о сознании, мы знаем, что это такое, но, когда попросят объяснить, мы в замешательстве (по аналогии с известными словами Августина о времени)?» Ответить на такой вопрос достаточно легко: этому и посвящена его книга. В. И. Молчанов обстоятельно анализирует процесс первичного различения получаемой от рецепторов информации, вычлняя 23 параметра в рамках этого процесса. С точки зрения иррационального правополушарного, интуитивного представления нам вполне ясно, что такое сознание. Но если попытаться перевести эту интуицию на язык рационализованных однозначных понятий, то возникают большие сложности [16: 15-16]. Можно вполне согласиться, что сознание начинается с опыта различения, которое опирается на ориентировочный рефлекс, задача которого

обусловлена изначальными потребностями «рептильного мозга» оценить получаемые сведения и уяснить вероятность опасности и полезности феноменов окружающей среды. Эта деятельность является инстинктивной, при которой не используется ни логика, ни разум, ни понятийное мышление.

Л. Витгенштейн подобным образом завершил свою книгу «Логико-философский трактат» загадочными словами: «О чем невозможно говорить, о том следует молчать» [6: 73]. Сталкиваясь с иррациональностью, философ-рационалист испытывал замешательство. И тем не менее он позднее попытался перевести эмоциональные феномены на язык рациональности.

В рассказе Н. С. Лескова «Томление духа» автор обсуждает вопрос «Можно ли солгать?» [10: 148-156]. Один из героев рассказа полагает, что ложь есть нечто вроде «инструмента», способного «смягчить» открытую правду и не обидеть ближнего:

«Правда тоже хорошо, да не по всякую минуту и не ко всякому с нею лезть. Он сам для себя свою правду и твори, а другому свой закон не чужой кадык не накидывай. У нас свой-то закон еще гораздо много полней ихнего: мы если и солжем, так у нас сколько угодно и отмолиться можно: у нас и угодники есть, и страстотерпцы, и мученики, и Прасковей» [10: 151].

То есть: «правда как дышло, как повернул, так и вышло». Другой из героев категорически не допускает ни малейшего отступления от божественной правды:

«Вот это и есть то, что надо, и дай Бог, чтобы вы никогда об этом не позабыли. Для этого одного стóит всегда быть правдивым во всех случаях жизни. Чистая совесть где хотите покажет Бога, а ложь где хотите удалит от Бога. Никого не бойтесь и ни для чего не лгите» [10: 152-153].

К. Уилсон в роман «Паразиты сознания» художественной форме показал, что физические болезни тела обусловлены «болезнями» социальными, духовными, психическими стрессами [23]. Можно согласиться со справедливым словам В. И. Молчанова: «Болезни сознания – это деформации опыта, упрочивающие себя в качестве нормы» [16: 10].

Но возникает вопрос: «А зачем “измерять”, определять меру, ограничивать, чтобы сделать объектом осмысления?». Стремление *измерить* является проявлением рационального сознания. Но о какой мере идет речь? Сознание наиболее полно и отчетливо проявляется в мышлении и общении, а начинается с восприятия, рецепторного реагирования на окружающую субъекта реальность.

Существует немало попыток измерить сознание и его параметры. Как выяснили биологи, даже у растений существует своеобразная нервная система реагирования на температурные изменения окружающей среды – чувствительность растений. Эта чувствительность растений доходит до того, что эмоциональные состояния (не мысль сама по себе, а именно эмоциональный характер мысли) человека растение способно воспринимать и реагировать на нее. Из опыта садоводов известно, что позитивные эмоции любви и заботы энергетически обеспечивают благотворную ситуацию для растений и стимулируют их рост и плодоношение.

В еще большей степени эмоции важны при общении с животными. Конечно, домашние питомцы ждут от хозяев пищи, но не менее они нуждаются в заботе и ласке (эмоциональном контакте). За всеми этими явлениями легко обнаружить энергетическую основу, которую измерить сравнительно трудно. Далее, можно сопоставить «нормальное» сознание и так называемые «измененные состояния» сознания (мистические, наркотические, болезненно-бредовые).

У многих современных ученых в их методологическом сознании обитает иллюзия о том, что все научные термины обладают каждый одним единственным значением. Его они пытаются зафиксировать в словарях и энциклопедиях. Это делается с целью построения базы для взаимопонимания. Понятно, что это крайне важно, только стопроцентного результата достигать удается крайне редко, поэтому все слова и термины – это «облака» смыслов, которые влияют друг на друга, образуя «кентавры», метафоры, образные конструкции. Мысль – это комплекс идей, связывающих прошлое и предполагаемое будущее, Мышление – одно из важнейших измерений сознания. Мысль может быть последовательной или синхронной (что возможно лишь при достаточном навыке, которым чаще обладают мыслители Востока, реже им владеют философы Запада). Для мышления необходимы предпосылки в виде памяти в глубинах бессознательного, которые исследовал И. Кант и его последователи.

Сознание (пользуясь зрительно-пространственными стереотипами) можно рассматривать «по горизонтали» и «по вертикали». В первом случае говорят о «широте» сознания и духовных устремлений, большей частью в социальном плане. Во втором измерении сознание рассматривается согласно вектору «вниз», в глубины самосознания и бессознательного, и «вверх» к высотам человеческого и божественного духа, Абсолюта, Бога.

При попытках определения рационального и иррационального невозможно использовать

количественные меры. Под «рациональным» обычно понимают относительно четкое, ясное, однозначное восприятие факта сознания, возникающего на основе *зрительного* восприятия. Совпадают ли эмоциональное и иррациональное? Нет. А в чем различия?

По справедливому выражению М. К. Мамардашвили, «философия – это сознание вслух» [11: 87]. Иначе говоря, устный язык (звучащая речь) и категории, выражающие концептуальные смыслы – важнейшее измерение сознания.

В европейской культуре существует привычка отождествления рациональности (понятия) с количественным образом целого числа, имеющего характер конечного явления, имеющего ограниченные характеристики. Формирование этой привычки связано с аристотелевской формальной логикой. Однако все современные попытки дать четкое определение понятия подменяются расплывчатыми метафорами (некое подобие «облака» характеристик). Можно сослаться хотя бы на «Правила для руководства ума» Р. Декарта. Все четыре правила его опираются на иррациональные основания.

Сознание человека многомерно, однако по некоторым основаниям (причинам) большинству людей свойственно подходить к осмыслению впечатлений, воспринимаемых рецепторами, с какой-то одной стороны («точки зрения»). Источники этой склонности связаны с тем, что мышление и сознание воспринимают информацию по нескольким каналам рецепции (зрительному, слуховому, тактильно-осязательному, кинетическому, обонятельному, вкусовому – остальные пока не будем учитывать). У большинства реципиентов нет навыка синтезировать эту информацию в комплексы впечатлений, хотя нервная система это делает на бессознательном уровне.

Наше сознание многомерно, однако мы пытаемся насильем власти интеллекта сделать его одномерным, чтобы все «шагали в ногу», а не «вразнобой».

Господство зрительной формы восприятия окружающей реальности приучает к односторонности, к доминированию одной «точки зрения», которая избирается как единственная и главная, все остальные возможные основания отбрасываются как несущественные.

Современное европейское сознание приучено к одноплановости, одномерности и поверхностности. Если принят какой-то закон, то он обязывает всех граждан (до единого) строго его выполнять, хотя возможно, что в одних ситуациях он полезен и эффективен, а в других противопоказан и деструктивен, вреден и нежелателен. Чем обусловлена такая односторонность?

Напомним, что информация – это мера разнообразия окружающей человека реальности, мера однообразия – энтропия. На бессознательно-интуитивном уровне человек реагирует на комплексную оценку ситуации: опасно – безопасно, полезно – вредно, пригодно для удовлетворения потребностей – непригодно. В этом заключается ценностно-ориентационная составляющая деятельности нервной системы, работающей на основе образов впечатлений. На следующем этапе начинается *различение* – дифференцирование информации в соответствии с позитивными и негативными потребностями.

Рецепторы обнаруживают информацию, различают количественные характеристики и степень достоверности. Но значение их и смысл выявляет разум, соотнося информацию с потребностями человека. Сохраненная в памяти эта информация называется знанием.

Согласно М. К. Мамардашвили, «мысль как необходимый элемент участвует в самом рождении в человеке человеческого, того, что мы интуитивно считаем человеческим в человеке» [12: 52]. Наблюдение останавливает движение воспринимаемого зрением объекта. При этом возникает проблема, обнаруженная еще Зеноном Элейским – противоречие между реальностью и мышлением. Мышление с трудом помогает осмысливать движение (в пространстве). Источником этого противоречия является именно зрительное восприятие, для реализации комфортного (успешного) восприятия и изучения движущегося объекта его нужно остановить. Именно поэтому большинство наук изучает лишь неподвижные объекты.

Нередко ученые сопоставляют растения, животных и человека и делают вывод о том, что элементарные формы реагирования на изменение окружающей среды у растений можно считать одномерным сознанием, коль скоро они не в состоянии иметь свободу перемещения в пространстве. У животных такие возможности есть, поэтому допускают более высокую сложность сознания. У человека степень многомерности сознания еще выше благодаря мышлению, амбивалентному самосознанию и представлениям о бесконечности и высших уровнях бытия.

В материалистической науке предпринимались попытки свести изучение сознания к физиологическим процессам: сознания нет, есть лишь: а) нейрофизиологические процессы, структуры мозга и т. п.; б) социальные связи, а то, что называют сознанием, суть «сублиматы»; в) элементы-ощущения, ничем, по существу, не отличающиеся от других элементов-ощущений — внешних

тел; г) знаковые системы. Отсюда, как отмечал В. И. Молчанов, вытекали основные типы понимания сознания: 1) сознание как отражение; 2) сознание как спонтанная творческая активность (конструирование); 3) сознание как нечто обусловленное: а) причинно – телом и/или практикой, б) функционально – телом, практикой, социальными связями и отношениями («встроенное» сознание); 4) сознание как усмотрение смысла [15: 7-36].

Наше представление о реальности, в которой мы существуем, одновременно и едино, и многомерно. Мир изменяется во времени в двух направлениях: энтропия (растрачивание энергии) и синтропия (самоорганизация, структурирование энергии согласно программе смысла). Какова связь звука и времени? Какова природа временной реальности?

Автор не претендует на окончательное решение глобальных философских, мировоззренческих и физических вопросов. Вполне вероятно, что узкие специалисты в области астрофизики, космологии будут обвинять его в недостаточной компетентности для обсуждения таких вопросов. Меня это не смущает, ибо мои гипотезы построены на основании философских, абстрагированных от конкретики физических и математических моделей. Тем более, что вопросы об онтологии пространства и времени относятся к компетенции философов.

Объективная реальность

В Древней Греции различали два вида реальности:

1. Чувственно воспринимаемая реальность (физическая, объективная):

– зрительно воспринимаемая реальность (пространство трехмерное или многомерное, письменосфера),

– звуковая (фонетическая) реальность,

– обонятельная реальность,

– тактильно воспринимаемая реальность;

2. Умопостигаемая реальность (объективно-субъективная):

– семиотическая реальность (семиосфера),

– реальность смыслов (интеллектуальная и эмоциональная),

– виртуальная реальность (вымышленная, воображаемая, мифологическая, мистическая, духовная).

Важнейшей проблемой для сознания является понимание объективной реальности на базе восприятия взаимоотношений ее ключевых феноменов: энергии, информации, пространства и времени. Для осмысления этих явлений используются различные меры. При этом исходная основа объективной реальности есть *пространство*.

Но прежде чем рассматривать вопрос о взаимосвязи этих феноменов, необходимо уяснить их существо, ответить на вопросы: что такое энергия, информация, пространство и время? Обладают ли они статусом объективной реальности или являются только субъективными умопостигаемыми идеями, как полагал И. Кант?

Вопрос о существовании энергии – самый трудный. В числе первых об энергии писал Аристотель. Большинство трактовок энергии определяют ее как способность производить работу. При всей гениальности Аристотеля мы можем сегодня уличить его в серьезных ошибках, которые оказывали негативное влияние на философию и науку вплоть до наших дней. Это преувеличение роли зрительного восприятия в осмыслении мира, что привело к пониманию времени как движения в пространстве; рассмотрение целевой мотивации в качестве причины; отрицание реальности бесконечного и др.

Для многих астрофизиков считается вполне убедительной гипотеза Н. Козырева, что время является источником энергии космоса. Такая гипотеза возникла на основе материалистической догматики, провозглашающей аксиому о том, что все существующее – материально, и что кроме материи ничего в космосе быть не может. Мне она представляется совершенно неверной, поскольку я исхожу из убеждения, что все как раз наоборот: время порождается энергией. Гипотеза Козырева поддерживает иллюзию субстанциональности времени, которую опровергал давным-давно И. Кант, а затем эту точку зрения развивал А. Шопенгауэр [18]. Современные специалисты в космологии вероятно не знают его размышления на эту тему, поскольку в советском вузе в курсе философии идеи этого великого философа игнорировались. Точно так же непопулярна идея Вильгельма Оствальда об энергии как единственной субстанции Вселенной, имеющей две формы – полевую и плотно-вещественную (которую многие по привычке называют материей), причем, как известно астрофизикам, первая захватывает примерно 75 % Космоса, а вторая – лишь оставшиеся 25 % (из которых более 20 % – это «темная материя», сведения о которой подтверждаются лишь косвенными данными). Поэтому логичным представляется гипотеза, что мы живем не в материальном мире, а в энергетическом. Этот мир

представляет собой объективную (чувственно воспринимаемую) реальность, тогда как наше сознание является субъективной (умопостигаемой) реальностью. Объединяет эти две сферы реальности энергия.

Проще говорить об информации. Попытки определить информацию как сведения или знания опираются на второстепенные признаки информации. Гораздо более существенны такие два варианта: 1) мера разнообразия Космоса; 2) снятие неопределенности (упорядочение сведений, знаний). Процесс познания реализует цель осмысления и упорядочения Космоса или самоорганизации («синтропию»). Противоположностью информации тогда может считаться энтропия – мера однообразия Космоса. При таком понимании информация является объективной характеристикой Вселенной, которая субъект обнаруживает в процессе познания. Правда, сюда вкрадывается субъективный момент – мера, которая (как заметил И. Кант) делает меру «вещью-для-нас». Можно сослаться на заключение Э. Маха:

«В физиологическом отношении время и пространство суть системы ориентирующих ощущений, определяющих вместе с чувственными ощущениями возбуждение биологически целесообразных реакций приспособления. В отношении физическом время и пространство суть особые зависимости физических элементов друг от друга» [14: 412].

Пророк, герой ливанского писателя Дж. Х. Джебрана, подчеркивал важность позитивного эмоционального отношения к тому делу, которому служит человек:

«Труд – это любовь, ставшая зримой. Если вы не можете трудиться с любовью, а трудитесь лишь с отвращением, то лучше вам оставить ваш труд, сесть у врат храма и просить милостыню у тех, кто трудится с радостью. Если вы печете хлеб равнодушно, то ваш хлеб горек, и он лишь наполовину утоляет голод человека. Если вы точите из гроздий сок с недобрим чувством, то оно отравляет вино. Если вы поете, как ангелы, но не любите петь, то вы не даете людским ушам услышать голоса дня и голоса ночи» [8: 354].

Согласно заключению П. А. Флоренского, пространство ада в 34 главе «Божественной комедии» Данте описано на основе «эллиптической геометрии Римана» (которую Риман сформулировал столетия спустя). Мнимые числа Лейбниц считал находящимися между бытием и небытием, а математик Эйлер считал их невозможными (хотя и занимался их исследованием).

Наше обыденное миропонимание, сформировавшееся под влиянием европейского менталитета с доминантой зрительного восприятия, до сих пор опирается на придуманные И. Ньютоном и Р. Декартом представления о трехмерном неподвижном пространстве и одномерном времени (в форме прямой линии, уходящей в бесконечность пространства). Эти три пространственных измерения дополнили четвертым (временным) и возникло наивное представление о пространственно-временном континууме, которое по ошибке приписали А. Эйнштейну.

На самом деле реальное объективное пространство (о субъективном и виртуальном можно говорить отдельно) является многомерным, о чем существуют вполне обоснованные догадки многих физиков, которые определяют количество этих измерений числами 11–12. Но что они собой представляют, они объясняют достаточно туманно.

В отличие от европейского образа мира, восточные «картины мира» (арабская, индийская, китайская) стремятся уйти от «трехмерности», направляя внимание на скрытое от зрения «четвертое» измерение.

В курсе философии преподаватели обходят вопрос о том, чем обусловлена эта трехмерная модель пространства обыденной реальности. Но все объясняется очень просто наличием двух глаз у человека. Именно два глаза позволяют видеть объем и глубину пространства, то есть три измерения. Если бы у всех людей от рождения был бы один глаз, то мы все жили бы в двумерной реальности, во «флатландии». Но если задействовать «третий глаз», то вполне можно говорить о четырехмерности. Вопрос о четвертом измерении пытаются рассматривать с разных сторон. Мне представляется наиболее убедительной теория С. И. Сухоноса, который в своих работах и лекциях наглядно показывает, что точка является симплексом (минимально измеримым параметром) с нулевым количеством измерений, прямая линия – это симплекс одномерного пространства, треугольник (или квадрат) – симплекс двумерности; пирамида (или куб) – симплекс трехмерного пространства. Но если мы отметим центр внутри пирамиды (или куба), то он вполне может считаться четвертым измерением рассматриваемого пространства. Интересно, что если такой центр «вытащить» из пирамиды, образованной тремя треугольниками, то мы получаем пятиконечную звезду – четырехмерную фигуру на плоскости (21). В качестве другого наглядного представления четырехмерной фигуры С. И. Сухонос предлагает рассматривать молекулу метана.

Далее, следует заметить, что мы пока имели дело с неподвижными пространственными феноменами. Но объективная реальность неподвижна лишь в нашей воображаемой, «умопостигаемой»

реальности, а в чувственно воспринимаемой реальности Космоса нет ничего неподвижного. Поэтому если мы представим себе движение четырехмерного феномена, то можем столкнуться сразу с двумя новыми измерениями в торсионном (вращающемся) поле: пятое измерение – правое вращение; шестое измерение – левое вращение. Будучи последовательными, обратим внимание на то, как движется наша планета в космосе вокруг Солнца по эллиптической орбите. Но в то же время вместе с нашей звездой и другими планетами Земля перемещается по галактической орбите (по спирали). Понимание этого позволяет нам вычленивать дополнительно два измерения: седьмое измерение – вектор перемещения вперед; восьмое измерение движение – назад. И наконец, еще два измерения воплощаются в тенденциях (векторах) энтропии (рассеянии энергии) и синтропии (самоорганизации).

Таким образом, мы обнаружили пока лишь десять измерений многомерного пространства объективной реальности, выработанного нашим сознанием. Последующие измерения связаны с микромиром и макромиром Космоса.

Важную роль в осмыслении объективной реальности играет *время*. С нашей точки зрения, время – это трата энергии, оно не является отдельной субстанцией, но лишь мерой изменения Космоса, которое имеет одновременно субъективный смысл (поскольку ученые договариваются между собой о величине этой меры) и объективный (поскольку изменения подтверждаются практической проверкой). Однако, время в Космосе изменяется не равномерно, ибо зависит от энергии той сферы, в которой эта энергия проявляет себя. Можно это показать на бытии человека. Жизнь тела человека обусловлена той энергией, которую оно получает от пищи, из кислорода, от Солнца и эфира.

Тело тратит энергии много, поэтому его время течет быстро. Душа «обитающая» в связи с телом (не «факт», что в теле), тратит получаемой от тела (и из эфира) энергии гораздо меньше, поэтому время души течет медленнее. На этом основан феномен рассогласованности возрастной самоидентичности, когда человеку с возрастом кажется, что он моложе, чем есть на самом деле.

Время в ином мире, где оказывается душа после смерти тела, течет иначе. Можно считать, что его вовсе нет (в нашем обыденном, физическом понимании оно останавливается), или оно течет очень медленно (именно это нередко называют вечностью, хотя правильнее называть вечностью остановленное бытие/небытие). Остановленное время – это небытие, изменяющееся время – бытие. Бытие во времени определяется энергией. В ситуации опасности духовная энергия может замедлить и даже остановить время события, вывести человека из бытия, чтобы дать ему возможность спастись. Дух человека может привлечь для остановки бытия энергию эфира (Абсолютного Духа).

В состоянии небытия в ином мире события прошлого и будущего присутствуют как синхронизированные в «настоящем», в остановленном времени (или вне времени в нашем обыденном понимании), в условной «вечности». В этой реальности оказывается душа после смерти физического тела.

Движение	Изменение
Перемещение в пространстве (линейное, круговое, спиральное)	Неподвижность, вибрация, покой в пространстве
Второстепенность времени	Первостепенность времени
Трата энергии в связи с разностью потенциалов	Трата энергии в связи переполнением меры
Источник энергии внешний	Источник энергии внутренний
Количественный характер, измеримость пройденного пути	Качественный характер, сравнимость форм и
Скорость и характер перемещения (равномерное или переменное)	Темп изменения (постепенное или скачкообразное)
Неизменность сущности	Преобразование сущности

О предпосылках мышления в многомерном сознании писал М. К. Мамардашвили:

«...Феноменальный слой сознания (а это предметно-действенный слой сознания) содержит в себе интенции, а интенции, как известно, это не то, что сознание знает, а тот его объект, который мнится, он не е щ е объект (где-то в зеркале сознания), а у ж е объект. Интенция тем самым отличается от рефлексии. В рефлексивном сознании мы, дублируя сознание з н а е м состояние ума, а интенция — это как раз то, что само о себе вовсе не знает (или то, что знаемо всегда лишь постфактум, задним числом). Она “имеет в виду” свой объект, но не знает самое себя, и другой не может знать за нее, она может выступать лишь “собственнолично”, как “сама вещь” (в этом смысл лозунга Гуссерля “Назад к самим вещам!”). Интенциональный объект мы не воспроизводим в пространстве рефлексивного сознания, а если воспроизведем, то это будет то, что на негоросло. Будет какой-то другой слой сознания, представляющий собой интерпретацию интенции, д о с т у п н у ю нам ее жизнь. Интенции, заложенные в феномены, и обладают свойством сразу же существовать, интерпретируясь в других слоях и реализуясь ими» [13: 60-61].

Субъективная реальность

В фундаменте субъективной реальности мы полагаем *сознание*. Оно обладает параметрами конечности и бесконечности. В античной философии бесконечность рассматривалась в двух планах (измерениях) – как потенциальная и как актуальная бесконечности, причем Аристотель считал невозможной актуальную бесконечность, допуская ее лишь как потенциальное увеличение (удаление от начала). Эта традиция продолжалась в средневековой теологии и схоластической философии, которая допускала существование потенциальной бесконечности, обозначая ее термином «синкатегорематическая», но не признавала возможность бесконечности категорематической (актуальной), хотя очевидно, что вопрос о бессмертии души неизбежно приводил к осмыслению актуальной бесконечности. Средневековые мыслители воплощением актуальной бесконечности стали считать Бога и бессмертие души человека. У Николая Кузанского созревает догадка о взаимосвязи абсолютного максимума и абсолютного минимума, которая привела позднее Лейбница к созданию дифференциального и интегрального исчисления бесконечно малых величин. Проблема измерения со времен античности столкнулась с вопросом о бесконечности. Если Платон относился к бесконечному отрицательно, то Аристотель допускал возможность лишь потенциально бесконечного, но отрицал бесконечность актуальную. Его позиция мотивирована тем, что актуальная бесконечность теряет форму, а для Аристотеля форма была чем-то божественным. Актуальную бесконечность невозможно познать ни чувством, ни умом, она устраняет вопрос о первоначале и не дает возможности измерения [9: 6].

Ум есть способность понимать связь явлений, анализировать имеющуюся информацию и предвидеть последствия планируемых действий, обнаруживать новое, то есть творить то, чего не существовало в прошлом.

Важной мерой сознания является память. Разум – это качественная мера самосознания и самоконтроля, характеризующаяся равновесием и согласованностью действий и поведения с ситуацией, подчинение запланированной программе.

Античные философы сопоставляли ум, душу, дух, сознание, трактуя их соотношение по-разному. Попытку количественного измерения души предпринимал когда-то Аврелий Августин. Его измерения представлены в виде семи ступеней: 1) управление жизненными силами тела, 2) восприятие окружающей реальности посредством пяти рецепторов, 3) память, 4) доброта, 5) очищение души, 6) созерцательное состояние и здоровье, 7) почитание Бога как высшего Абсолюта [2: 231-236]. Августин пытался измерить количественными мерами душу, но у него не получилось применить числовые конечные меры. Вместо них он рассматривал качества души: справедливость, честность, благородство, равенство, великодушие, доброжелательность, милосердие, воля. Эти душевные (моральные) качества имеют относительные меры, которые можно выявлять лишь в сравнении с качествами других субъектов.

Среди истоков осмысления реальности можно указать на концепцию перинатального опыта Станислава Грофа [7]. Согласно его концепции, первое знакомство с внешним миром у каждого человека происходит в процессе рождения, когда материнская утроба извергает младенца из себя в сферу свободы и зависимости, страданий и удовольствий. Но со временем он (хотя и «мечтает вернуться назад», что воплощается позднее в различных вариантах утопий) по мере развития и взросления обнаруживает, что вне материнского тела есть немало преимуществ. В результате возникает противоречие потребностей в свободе и в защищенной зависимости. До трех лет ребенок полностью живет в поле защищенности родителей. С трех лет до двенадцати он постепенно осваивает внешний мир и пытается подчинить его себе. После двенадцати лет он с удивлением обнаруживает свою индивидуальность и свободу. Р. Брэдбери в романе «Вино из одуванчиков» эмоционально описывает это «открытие» подростка: «Точно огромный зрачок исполинского глаза, который тоже только что раскрылся и глядит в изумлении, на него в упор смотрел весь мир. И он понял: вот что неожиданно пришло к нему, и теперь останется с ним, и уже никогда его не покинет. Я ЖИВОЙ, – подумал он» [4: 10]. Об этом же писал А. Адлер:

«Быть могущественным! Вот всегдашнее стремление всех маленьких или чувствующих себя маленькими. Всякий ребенок тянется к высоким целям, всякий слабый – к превосходству, всякий, кому недостает надежды, – к вершинам осуществления: отдельный человек так же, как и масса, народы, государства и нации. Это извечное стремление людей есть попытка преодолеть чувство своей недостаточности, незащищенности, слабости» [1: 235].

Какую роль играют эмоции в жизни человека можно показать на мнении Эразма Роттердамского о том, что Юпитер даровал людям намного больше страсти, чем разума, примерно в соотношении 24 к 1. Единоличной власти разума он противопоставил двух свирепых тиранов: гнев и похоть. В какой мере разум способен возобладать над объединенными силами этих двоих со всей очевидностью раскрывает обычная человеческая жизнь. Разум делает единственное, на что способен, – он кричит до хрипоты,

повторяя формулы основных добродетелей, пока те двое не велят ему убираться ко всем чертям и вообще ведут себя все более шумно и оскорбительно, пока их правитель не выдохнется, махнет рукой и уступит [24: 23–24].

В книге В. В. Налимова «Спонтанность сознания» представлено свидетельство американского ученого Р. Мак-Лина о том, что человеческий мозг в процессе развития сохранил черты трех эволюционных формаций: пресмыкающихся, древних млекопитающих и поздних [17: 196]. Этим объясняется выделение в нервной системе человека трех уровней: 1) «рептильный мозг», 2) центральный отдел головного мозга («лимбическая система») с эндокринными органами, 3) кора головного мозга («библиотека» культурного опыта и деятельности). При этом возможна разобщенность и противоречия между этими тремя уровнями. Так, человек может рационального (в соответствии с правовыми и моральными установками) понимать, как надо соблюдать законы и социальные нормы, может сочувствовать и проявлять эмпатию, вместе с тем «рептильный мозг», лишенный «тормозов», требует действовать, возводя эгоистические («звериные») установки на уровень приоритетов. Вследствие этого человек, вопреки внешней культуре, становится беспощадным убийцей и палачом.

Сознание измеряется *смыслами*. По словам М. М. Бахтина, смысл – это то, что отвечает на какой-либо вопрос. Если нечто ни на какой вопрос не отвечает, значит оно лишено смысла [19]. Для философского понимания основ бытия важнейший вопрос – «зачем?» Ответ на этот вопрос раскрывает предназначение человека и человечества. Говоря иначе, смысл – это связь с потребностями. Кроме этого, можно указать на еще несколько важных измерений в трактовке концепта «смысл»: 1) сущность вещи и ее предназначение; 2) мотив действия и деятельности; 3) схваченность мыслью (то есть понимание); 4) целесообразность (бессмысленность тождественна бесцельности); 5) системная организованность, взаимосвязанность; 6) последовательность; 7) логичность. Сверх названного можно указать на скрытые смыслы, опирающиеся на бессознательное и «ночное сознание».

Субъективная реальность опирается на ценностные феномены сознания. Эти феномены имеют эмоциональную окраску. Так, по мнению филолога Н. Н. Вашкевича, русская культура связана с красным цветом, египетская – с оранжевым, индийская – с желтым (желтую окраску в индийскую культуру внес буддизм), желтый цвет характерен также для китайской культуры, хотя древние корни связывают ее с синим. В арабской культуре доминирует зеленый, в шумеро-ассирийской традиции он усматривает фиолетовый цвет. Для африканской культуры он отмечает важную роль голубого (так, популярный музыкальный жанр для афроамериканцев – блюз, т. е. «голубой»), который дополняется черным (из соединения красного с зеленым). Для большинства культур большое значение имеет белый цвет, символизирующий чистоту и святость [5: 92–124]. Аналогично этим цветам выстраиваются уровни бытия.

В основе разных культур мы выделяем доминирующую систему рецепции, восприятия объективной реальности. Так, в фундаменте европейской культуры под влиянием египетской и греческой традиции сформировалась зрительная парадигма мировосприятия [20: 9–20]. В странах Востока зрение уступает если не пальму первенства, то роль значительного влияния, другим рецепторам, в частности слуху. В африканской культуре доминирует кинесика, ритмические телодвижения и звуковой ритм. В арабской и индийской культурной традициях ведущую роль играет воображение, абстрактная мистическая реальность. Схожие особенности можно заметить в китайской культуре (медитативные практики).

Значение зрения в жизни людей обусловлено тем, что оно обеспечивает более оперативный контроль за изменением окружающей среды и предотвращение возможных опасностей, а также проверку результатов наших действий, оценку их эффективности и соответствие планировавшихся и достигнутых целей. Важным источником преувеличения роли зрительности и рациональности в европейском сознании была геометрия Евклида, представившая наглядно четкие геометрические фигуры, по аналогии с которыми логические понятия в европейском сознании стали казаться такими же четкими и однозначными, рациональными «фигурами». Все это важно для практической сферы жизни человека.

«В классической экономике предположение о том, что все мы являемся рациональными субъектами, означает, что в нашей повседневной жизни мы сравниваем между собой все появляющиеся альтернативы, а затем выбираем из них наилучшую для себя. Но что происходит, когда мы совершаем ошибку и делаем нечто иррациональное? Для таких случаев у традиционной экономики есть свой ответ: на нас снисходят “рыночные силы”, вновь направляющие нас на правильную и рациональную стезю» [3: 20].

Заключение

Смысл бытия человека в объективной, физической реальности прямо или косвенно связан с

удовлетворением потребностей благополучного и гармоничного существования. Поэтом на вопрос о смысле жизни человека можно обнаружить достаточно много ответов [19: 69-70], но если их обобщить, то остается два класса: потребление и творчество. Первый вариант связан с физическими потребностями тела, второй – с духовными потребностями.

Парменид высказал гипотезу о связи сознания и бытия. Если ее принять за основу, логично предположить, что во время небытия (во сне) человек выпадает из бытия в небытие. То же самое происходит в коматозном, бессознательном состоянии. Отсюда также возникает вопрос: не является ли наше бессознательное сферой небытия, и это «небытие» скрытно управляет нашим бытием?

Количественная мера объема осмысления реальности, согласно заключениям психологов В. Вундта и Титченера, составляет 6-7 факторов, хотя некоторые ученые предел видят в числе 9 (т. е. 7 ± 2). Согласно этим ограничениям, предлагаем следующие выводы относительно возможности и мерах измерения сознания:

1) Информация – это количественная (статическая) мера реальности, необходимая для различения и понимания.

2) Энергия – это качественная (динамическая) мера реальности; она реализуется в виде движения в пространстве и в виде изменений во времени.

3) Время – это мера изменений реальности; оно характеризуется направлением (вперед и назад), темпом и ритмом.

4) Наше тело – феномен объективной реальности, а наше сознание – субъективная реальность, энергетически связанная с объективной реальностью посредством временных изменений; бытие тела происходит во времени и пространстве.

5) Основу субъективной (виртуальной или мифологической) реальности представляют смыслы, информация о возможностях и гарантиях благополучного существования в объективной реальности.

6) Сознание человека многомерно, открыто бесконечности и вечности.

7) Сознание энергетично и его основа – информация, степень сложности энергоинформационной меры.

8) Аксиология – это наука об измерении ценности условными мерами и оценками, опирающимися на систему ценностей субъекта сознания.

ПРИМЕЧАНИЯ

Список литературы

1. Адлер А. Наука жить. — Киев: Port-Royal, 1997. — 286 с.
2. Августин Блаженный. О количестве души // Об истинной религии. Теологические трактаты. — Минск: Харвест, 2011. — С. 172—240.
3. Ариэли Д. Предсказуемая иррациональность: Скрытые силы, определяющие наш решения. — М.: Альпина, 2010. — 335 с.
4. Брэдбери Р. Вино из одуванчиков // Избранные произведения: в 3 т. М.: Олимп, 1992. Т. 2. С. 3—186.
5. Вашкевич Н. Н. Системные языки мозга: магия слова, разгадка мифов и легенд, язык и физиология, пробуждение сознания. — М.: Белые альвы, 1998. — 399 с.
6. Витгенштейн Л. Логико-философский трактат // Философские работы. (Часть 1). — М.: Гнозис, 1994. С. 2—73.
7. Гроф С. Области человеческого бессознательного: опыт исследований с помощью ЛСД. — М.: МТМ, 1994. — 240 с.
8. Джебран Дж. Х. Избранное. — Л.: Худож. лит-ра, 1986. — 518 с.
9. Катасонов В. Н. Боровшийся с бесконечным. Философско-религиозные аспекты генезиса теории множеств Г. Кантора. — М.: Мартис, 1999. — 207 с.
10. Лесков Н. С. Томление духа (из отроческих воспоминаний) // Полное собрание сочинений: В 36 томах. — СПб.: Изд. А. Ф. Маркса, 1903.— Т. 16. С. 148—156.
11. Мамардашвили М. К. Сознание и цивилизация. — М.: Логос, 2004. — 272 с.

12. Мамардашвили М. К. Беседы о мышлении. — М.: Фонд Мераба Мамардашвили, 2015. — 816 с.
13. Мамардашвили М. К. Классический и неклассический идеалы рациональности. СПб.: Азбука, Азбука-Аттикус, 2010. — 288 с.
14. Мах Э. Познание и заблуждение: Очерки по психологии исследования. — М.: БИНОМ; Лаборатория знаний, 2014. — 456 с.
15. Молчанов В. И. Парадигмы сознания и структуры опыта // *Логос*, 1992, № 3. С. 7–36.
16. Молчанов В. И. Различение и опыт: феноменология неагрессивного сознания. — М.: Модест Колеров и «Три квадрата», 2004. — 328 с.
17. Налимов В. В. Спонтанность сознания. — М.: Прометей, 1989. — 288 с.
18. Пенроуз Р. Путь к реальности, или Законы, управляющие вселенной: Полный путеводитель. — М.; Ижевск: Институт компьютерных исследований; R&Dynamycs, 2007. — 911 с.
19. Пивоев В. М. Философия смысла, или Телеология. — Петрозаводск: ПетрГУ, 2004. — 114 с.
20. Пивоев В. М. «Диктатура зрительности» в европейском сознании // *Studia Humanitatis Borealis*. 2023. № 3. — С. 9–20.
21. Сухонос С. И. Масштабная гармония Вселенной. — М.: София, 2000. — 312 с.
22. Шопенгауэр А. Мир как воля и представление // *Собрание сочинений: В 6 т.* — М.: Республика; Дмитрий Сечин, 2011. — Т. 2. С. 41–44.
23. Уилсон К. Паразиты сознания. — Киев: София, 1994. — 320 с.
24. Эразм Роттердамский. Похвала глупости. — М.: ГИХЛ, 1960. — 167 с.

References

1. Adler A. *Nauka zhit.* — Kiyev: Port-Royal, 1997. — 286 s.
2. Avgustin Blazhennyi. *O kolichestve dushi // Ob istinnoy religii. Teologicheskiye traktaty.* — Minsk: Kharvest, 2011. — S. 172–240.
3. Arieli D. *Predskazuyemaya irratsionalnost: Skrytyye sily, opredelyayushchiye nashi resheniya.* — M.: Alpina, 2010. — 335 s.
4. Bredberi R. *Vino iz oduvanchikov // Izbrannyye proizvedeniya: v 3 t.* M.: Olimp, 1992. T. 2. S. 3–186.
5. Vashkevich N. N. *Sistemnyye yazyki mozga: magiya slova, razgadka mifov i legend, yazyk i fiziologiya, probuzhdeniye soznaniya.* — M.: Belyye alvy, 1998. — 399 s.
6. Vitgenshteyn L. *Logiko-filosofskiy traktat // Filosofskiy raboty. (Chast 1).* — M.: Gnozis, 1994. S. 2–73.
7. Grof S. *Oblasti chelovecheskogo bessoznatelnogo: opyt issledovaniy s pomoshchyu LSD.* — M.: MTM, 1994. — 240 s.
8. Dzhebran Dzh. KH. *Izbrannoye.* — L.: Khudozh. lit-ra, 1986. — 518 s.
9. Kasonov V. N. *Borovshiyasya s beskonechnym. Filosofsko-religioznyye aspekty genezisa teorii mnozhestv G. Kantora.* — M.: Martis, 1999. — 207 s.
10. Leskov N. S. *Tomleniye dukha (iz otrocheskikh vospominaniy) // Polnoye sobraniye sochineniy: V 36 tomakh.* — SPb.: Izd. A. F. Marksa, 1903. — T. 16. S. 148–156.
11. Mamardashvili M. K. *Soznaniye i tsivilizatsiya.* — M.: Logos, 2004. — 272 s.
12. Mamardashvili M. K. *Besedy o myshlenii.* — M.: Fond Meraba Mamardashvili, 2015. — 816 s.
13. Mamardashvili M. K. *Klassicheskiy i neklassicheskiy idealy ratsionalnosti.* SPb.: Azbuka, Azbuka-Attikus, 2010. — 288 s.
14. Makh E. *Poznaniye i zabluzhdeniye: Ocherki po psikhologii issledovaniya.* — M.: BINOM; Laboratoriya znaniy, 2014. — 456 s.
15. Molchanov V. I. *Paradigmy soznaniya i struktury opyta // Logos*, 1992, № 3. S. 7–36.
16. Molchanov V. I. *Razlicheniye i opyt: fenomenologiya neagressivnogo soznaniya.* — M.: Modest Kolerov i «Tri kvadrata», 2004. — 328 s.
17. Nalimov V. V. *Spontannost soznaniya.* — M.: Prometey, 1989. — 288 s.
18. Penrouz R. *Put k realnosti, ili Zakony, upravlyayushchiye vselennoy: Polnyy putevoditel.* — M.; Izhensk: Institut kompyuternykh issledovaniy; R&Dynamycs, 2007. — 911 s.
19. Pivoyev V. M. *Filosofiya smysla, ili Teleologiya.* — Petrozavodsk: PetrGU, 2004. — 114 s.
20. Pivoyev V. M. «*Diktatura zritelnosti*» v yevropeyskom soznanii // *Studia Humanitatis Borealis*. 2023. № 3. — S. 9–20.
21. Sukhonos S. I. *Masshtabnaya harmoniya Vselennoy.* — M.: Sofiya, 2000. — 312 s.
22. Shopengauer A. *Mir kak volya i predstavleniye // Sobraniye sochineniy: V 6 t.* — M.: Respublika;

Dmitriy Sechin, 2011. — Т. 2. С. 41–44.

23. Wilson K. *Parazity soznaniya*. — Kiyev: Sofiya, 1994. — 320 s.

24. Erazm Rotterdamskiy. *Pokhvala gluposti*. — M.: GIKHL, 1960. — 167 s.

HOW TO MEASURE CONSCIOUSNESS?

PIVOYEV
Vasiliy

*PhD in Philosophy,
Professor of the Department of Socio-Economic,
Humanitarian and Special Disciplines,
Northern Institute (Petrozavodsk Branch) of All-Russian
State University of Justice (RPA of the Justice Ministry of
Russia),
Petrozavodsk, Russian Federation, pivoev@mail.ru*

Keywords:

measure
information
space
time
energy
objective and subjective reality

Summary:

The rejection of the dictate imposed by the materialist theory of understanding the world prompts a “return to Kant’s philosophy”, which posits that we exist not in an objective reality, but in a subjective one. The process of cognition involves “distinguishing” and uncovering the unknown within the known. This cognitive activity is fundamentally driven by the pursuit of means to satisfy our needs in order to ensure a prosperous existence. The author argues that a comprehensive understanding of the reality we inhabit is grounded in energy as a fundamental substance, information as a measure of diversity, time as a waste of energy, the multidimensional space of objective reality, and the spiritual sphere embodying the meanings of subjective reality.

УДК 821

ИСТОКИ ОБРАЗА МАТЕРЕЙ В ТРАГЕДИИ «ФАУСТ» И. В. ГЁТЕ

ВАСИЛЬЕВА
Светлана
Владимирова

*кандидат философских наук,
доцент кафедры германской филологии и
скандинавистики,
Петрозаводский государственный университет,
институт филологии,
Петрозаводск, Российская Федерация,
milorada07@mail.ru*

ЮЖАКОВ
Никита
Владимирович

*студент кафедры германской филологии и
скандинавистики,
Петрозаводский государственный университет,
институт филологии,
Петрозаводск, Российская Федерация,
nikyuzhaak@gmail.com*

Ключевые слова:

И. В. Гёте
античность
литературоведение
образ
символ
литературная традиция
германистика

Аннотация:

В статье предпринимается попытка выявления истоков образа Матерей в «Фаусте» И. В. Гёте. Авторы последовательно осуществляют интертекстуальный анализ связей – как в синхронии, так и в диахронии – послуживших Гёте основой для формирования сложного поэтического образа, для чего привлекается инструментарий как философии, так и литературоведения. В статье дается комплексная характеристика генезиса Матерей и прослеживаются возможные интертекстуальные связи, указывающие на явную преемственность гётевской концепции с античной литературной традицией. Общий анализ образа Матерей, как и ключевые черты этого образа, выявляются в тексте трагедии Гёте «Фауст» в переводе Н. А. Холодковского.

© 2025 Петрозаводский государственный университет

Получена: 28 февраля 2025 года

Опубликована: 28 марта 2025 года

Введение

Великий немецкий просветитель И. В. фон Гёте, поэт, ученый и мыслитель, не причислял себя к философскому цеху – даже несмотря на 143 тома Большого Веймарского издания его наследия. Глубина и сложность литературных образов Гёте, их многоплановость и одновременно онтологичность свидетельствует о глубокой философичности его представлений о мире, хотя они и не имели под собой единой оформленной философской системы. Гёте – самый яркий феномен в германской культуре, потому что он объединяет в своей личности глубокого мыслителя, ученого-просветителя возрожденческого толка и величайшего поэта. Его картина мира охватывает космос во всех его проявлениях и дает пищу для размышлений все новым и новым поколениям. В ряду его произведений «Фауст» занимает особое место: Античность с ее тремя идеалами (Истина, Добро и Красота) была очень

притягательна для Гёте в плане Гармонии – человеческих отношений, макро- и микрокосма.

В сцене «Мрачная галерея» второй части трагедии «Фауст» появляется образ, стоящий особняком во всей символической, образной, идейной системе произведения. По сюжету трагедии герои получают, казалось бы, невыполнимое задание – призвать античных героев Париса и Елену. Мефистофель объясняет, что для этого Фаусту нужно отправиться к Матерям, таинственным богиням, ведающим душами мертвых.

«Мрачная галерея» является одной из ярчайших сцен трагедии, по сей день удивляющей своей изобретательностью и выразительной силой. Однако особый интерес вызывает не только мастерство писателя, но и вопрос происхождения подобного сложного образа-символа.

Образ Матерей

Главная особенность, выделяющаяся уже при беглом анализе, – это принадлежность Матерей к своеобразному анти-пространству, недостижимому даже для Мефистофеля. Их «жилище» отличается совершенно иным физическим устройством. Это место абсолютной пустоты, пространство без измерений:

Неохотно я
Великую ту тайну открываю.
Знай: есть богинь высокая семья,
Живущих вечно средь уединенья,
Вне времени и места. Без смущенья
О них нельзя мне говорить. Пойми ж:
То Матери!
[...]

Но там в пространстве, в пропасти глубокой,
Нет ничего, там шаг не слышен твой,
Там нет опоры, почвы под тобой... [3: 282].

Примечательной является и сама причина, по которой герои вынуждены прибегнуть к «помощи» Матерей:

Язычникам особый отдан ад,
Его дела не мне принадлежат;
Но средство есть [3:281].

Возможности Мефистофеля не безграничны: всемогущий доселе Князь Тьмы констатирует факт ограниченности собственных сил, так как Елена и Парис находятся вне его власти. Мефистофель характеризует мир Матерей как «мир образов», а сами Матери «видят лишь схемы» и как бы заведуют «теньями». В рамках трагедии Гёте конструирует особый механизм загробной жизни, при котором судьба душ, по всей видимости, зависит от их принадлежности к миру христианскому или миру языческому. Матери, в свою очередь, становятся властителями именно последнего, что воплощается уже в реакции Фауста – само упоминание о Матерях вызывает в нем неконтролируемый благоговейный ужас:

Там Матери! Одни из них стоят,
Другие ходят или же сидят.
Вкруг образы витают там и тут, –
Бессмертной мысли бесконечный труд,
Весь сонм творений в обликах живых.
Они лишь схемы видят; ты ж для них
Незрим... [3: 285].

Плутарх

Как зародилась идея сцены с Матерями и что воплощает этот образ в «Фаусте»? Несомненно, истоки следует искать в Античности – той зре человечества, которая вдохновляла Гёте с ранней юности на всем протяжении его творчества.

Своим именем Матери обязаны великому мыслителю римской эпохи – Плутарху. На эту первичную и самую прозрачную межтекстовую связь указывал сам Гёте:

«Я не могу сказать вам ничего другого, кроме того, что я нашел у Плутарха, что в Древней Греции говорили о матерях как о божествах. Это все, чем я обязан традиции, остальное – мое собственное изобретение» [9: 337].

Данная авторизованная ссылка, зафиксированная И. П. Эккерманом, другом, секретарем Гёте и главным исследователем его творчества, в 1830 году, во время усердной работы над второй частью «Фауста», не вызывает сомнений и упоминается в абсолютном большинстве комментариев к сцене. В

«Жизнеописании Марцелла» мы находим примечательный сюжет, так вдохновивший Гёте. В интересующем нас фрагменте Плутарх повествует о Никии, жителя сицилийского города Эгний, во время Второй Пунической войны колеблющегося между Римом и Карфагеном. Никий, вступивший в конфликт с частью города, преданной Ганнибалу, в попытке переубедить сограждан разыгрывает сцену помешательства, якобы насланного богинями-покровительницами города, Матерями:

«Есть в Сицилии город Эгний – небольшой, но очень древний, прославленный чудесным явлением богинь, называемых “Матери”... В день, когда все приготовления к аресту были уже закончены, Никий, выступая в Народном собрании перед согражданами, вдруг оборвал на полуслове свою речь и опустился на землю, а немного спустя, когда, как и следовало ожидать, все в изумлении умолкли, он поднял голову, огляделся и застонал – сначала робко и глухо, а потом все громче и пронзительнее... он сбросил с плеч гиматий, разодрал на себе хитон, полунагой вскочил на ноги и бросился к выходу из театра, крича, что его преследуют богини-Матери» [7: 352].

Однако столь семантически сложный образ, созданный Гёте, едва ли сводится лишь к Плутарху и представляет собой скорее комплекс переплетений интертекстуальных связей. Представляется, что образ Матерей появился в результате длительного и по преимуществу бессознательного творческого процесса, вдохновленного античной мифологией и выстраивающегося в длинную линию преемственности в рамках обширной литературной традиции.

В этой связи представляется необходимым ознакомиться с воззрениями И. В. Гёте на творческий процесс как таковой. Н. Н. Вильмонт, советский литературовед и историк культуры, во вступительной статье к уже упомянутым мемуарам И. П. Эккермана отмечает «глубоко оригинальную трактовку личности», присущую И. В. Гёте. По мнению ученого, писатель рассматривал личность как нечто «собираемое по своей природе» и отмечал способность Гёте «скрещивать самые различные исторические и культурные традиции» [9: 37].

Эту точку зрения подтверждают слова самого писателя. И. П. Эккерман зафиксировал беседу, имевшую место 12 мая 1825 года, в которой писатель высказался о феномене оригинальности:

«Мы вечно слышим разговоры об оригинальности, но что это, собственно, такое? Мир начинает воздействовать на нас, как только мы родились, и это воздействие продолжается до нашего конца» [9: 160].

В подобном контексте представляется вполне уместным применить характерный для писателя «синтетический» подход к осмыслению оригинальности и для анализа творчества самого И.В. Гёте.

Мойры

В представленном описании Матерей вполне закономерно проглядывает их общая схожесть с древнегреческими Мойрами, богинями судьбы, олицетворявшими неизбежность и предопределенность человеческой жизни. У Гесиода находим:

Мойр родила она [Ночь] также и Кер, беспощадно казнящих.

Мойры – Клофо именуются, Лахесис, Атропос. Людям

Определяют они при рожденье несчастье и счастье.

Тяжко карают они и мужей, и богов за проступки,

И никогда не бывает, чтоб тяжкий их гнев прекратился

Раньше, чем полностью всякий виновный отплату получит [1: 27].

Мойры относятся к числу божеств со сложным, подчас противоречивым генезисом. Раннее религиозное мировоззрение закрепляло за этим именем скорее обобщенный верховный закон природы, и лишь позднее сформировалось антропоморфизированное представление о богинях.

А. Ф. Лосев, отмечая архаическое происхождение Мойр, относил их к «темной невидимой силе», не имеющей четкого антропоморфного облика и редко изображающейся в античном искусстве. Философ объяснял «сложные отношения Мойр с олимпийскими богами» именно «результатом архаики», сохранившемся даже в классическом периоде греческой культуры [8: 120].

Этот же образ есть и у Платона: в «Государстве», описывая устройство загробной жизни и небесных сфер, он изображает Мойр сидящими на высоких стульях, в белых одеждах, с венками на головах; все они прядут на веретене необходимости, сопровождая небесную музыку сфер своим пением; Клото поет о настоящем, Лахезис – о прошедшем, Атропос – о будущем:

«Около Сирен на равном от них расстоянии сидят, каждая на своем престоле, другие три существа – это Мойры, дочери Ананки: Лáхесис, Клото́ и А́тропос; они – во всем белом, с венками на головах... Время от времени Клото касается своей правой рукой наружного обода веретена, помогая его вращению, тогда как Атропос своей левой рукой делает то же самое с внутренними кругами, а Лахесис поочередно касается рукой того и другого» [6: 352].

Нетрудно обнаружить аналоги этих образов в других мировых мифологиях. Достаточно вспомнить скандинавских Норн, славянских Сужениц, римских Парок. По всей видимости, это распространенный для всех индоевропейских народов архетипический сюжет.

Итак, мы видим сразу несколько совпадений с образом фаустовских Матерей: половая принадлежность, косвенная связь с судьбой и божественным, жизнью и смертью. Более того, Мефистофель однозначно определяет жилище Матерей как «языческий ад», что явно отсылает нас к представлениям древних греков (к Матерям Фауст спускается в поисках героев античной мифологии – Елены и Париса). В то же время нельзя сказать, что Гёте имеет в виду именно Мойр. У Матерей нет характерных для этих богинь атрибутов: традиционно Мойры метафорически изображались богинями-ткачихами, но в случае с Матерями мотив прядения отсутствует вовсе.

Матери перекликаются с Мойрами лишь косвенно. Представляется, что древнегреческие богини судьбы оказали меньшее влияние на формирование этого образа, поэтому его истоки следует искать в других представлениях.

«Мир образов» явно коррелирует с платоновским миром идей (эйдосов). Это предположение подкрепляется и тем, что, используя треножник, украденный у Матерей, Фауст призывает скорее не настоящих Елену и Париса, а их образы, тени, проекции. Однако мы не можем вывести прямое соответствие платоновских эйдосов и образов из «Фауста». Пространство Матерей работает несколько по-иному. Наш физический мир становится главным, а «мир образов» Матерей – это всего лишь схема, отражение. Область Матерей не порождает, а лишь отражает то, что происходит в реальности. Пространство, в котором пребывают Матери, можно сравнить с картотекой или любым другим хранилищем информации. Они хранят информацию только о том, что было в реальности – материя в данном случае первична.

Вечная женственность и культ Великой матери

Для дальнейшего анализа генезиса Матерей необходимо кратко описать значения этого образа для символического плана трагедии. Матери органично встраиваются в общий философский контекст произведения. Наряду с мужским, «аполлоническим» началом, выраженным, главным образом, в фигуре самого Фауста, в трагедии представлена играющая ключевую роль для понимания идейной основы произведения концепция Вечной женственности (das Ewig-Weibliche).

Этот «символический образ» [4: 120] как будто связывает воедино все произведение, выражаясь, прежде всего, в персонаже Маргариты, любовь которой спасает Фауста в финале произведения:

Лишь символ – все брэнное,
Что в мире сменяется;
Стремленье смиренное
Лишь здесь исполняется;
Чему нет названия,
Что вне описания, –
Как сущность конечная,
Лишь здесь происходит,
И Женственность Вечная
Сюда нас возводит [3: 543].

Вечная женственность, сформулированная Гёте, восходит к древней традиции соотношения стихийных природных сил с женским началом. Уже упомянутый А. Ф. Лосев напрямую соотносил ранний матриархальный мифологический период с культом Великой матери. В книге «Мифология греков и римлян» он пишет:

«Вся эта стихийно-чудовищная мифология матриархата получает свое обобщение и завершение в мифологии Великой матери, или Матери богов. Эта мифология и этот дикий культ в классические времена Греции, конечно, был оттеснен на задний план, и о нем едва помнили» [5: 78].

В этой связи представляется вполне закономерным тот факт, что именно за Матерями закрепляется функция своеобразной первоосновы, той производящей жизнь порождающей силы, которая регулирует все, что потенциально получает свое материальное воплощение.

Не вызывает сомнения, что И. В. Гёте, обладая исчерпывающим для своего времени знанием античной истории, культуры и литературы, был знаком с этой древней поэтической традицией образа-символа Великой матери. Лосев же отмечает, что данный культ так или иначе находил свое отражение в творчестве Лукреция, Катутла, Овидия и Лукиана (поэты, работы которых были обширно представлены в библиотеке Гёте). Более того, философ отдельно отмечает, что данный архаический культ актуализировался в эллинистическо-римский период:

«Но в глубинах догомеровской истории, а также в эллинистическо-римский период, когда происходила реставрация архаики, эта мифология и этот культ имели огромное значение» [5: 79].

Американский филолог Гарольд Янтц в 1969 году в книге «The mothers in Faust: the Myth of Time and Creativity» выдвинул весьма правдоподобную теорию, согласно которой образ Матерей восходит к творчеству позднеримского поэта Клавдия Клавдиана, бывшего крайне популярным среди представителей немецкой барочной литературы.

Энциклопедия античного искусства Иохима фон Зиндarta, немецкого художника и историка искусств, яркого представителя этого направления, в свою очередь, была представлена в библиотеке Гёте. Одна из глав этого многотомного издания посвящена описанию культа Великой матери (Die große Mutter der Götter):

«Поскольку языческие народы превратили в божества многие предметы в мире, естественно, что они выбрали для этой цели и Землю, поскольку из ее лона они получали все, что им было нужно для пропитания. Поэтому почти все народы поклонялись Земле и называли ее Великой Матерью. И хотя ее представляли по-разному, они все равно не представляли себе ничего иного, кроме самой Земли [11: 91. *Перевод наш. – С. В., Н. Ю.*].

Как и Лосев, Зиндарт прослеживал истоки культа Великой матери в архаических аграрных верованиях. Природа олицетворяется именно в образе матери, происходит метафорический перенос на основании схожести общей для них способности порождать новую жизнь.

Однако образ Матерей из «Фауста» не является простым переложением, воспроизводством древнего символа. Напротив, его явная смысловая доминанта выходит за пределы типичного для культа Великой матери поэтического осмысления. Гёте наделяет Матерей куда более сложной атрибутикой. Они отождествляются скорее не с природой, а с чем-то трансцендентным, выходящим за пределы времени, пространства и регулирующим саму потенцию существования.

Именно у Клавдия Клавдиана, чьи произведения неоднократно цитируются в работе Зиндarta, мы находим схожее видоизменение образа-символа Великой матери. В произведении «Консульство Стилихона» поэт приводит поэтическое описание божественной Природы. За неимением лучших переводов мы приводим англоязычный прозаический подстрочник Мориса Платнауэра в собственном переводе:

«Далеко-далеко, в неизвестности, за гранью смертного понимания, недоступная для богов, находится огромная пещера, древняя мать времен, ее огромная грудь – одновременно колыбель и могила времени. Змей обвивает эту пещеру, поглощая все медленными, но всепожирающими челюстями; никогда не утихает блеск его зеленой чешуи... Перед входом сидит Природа, страж преддверия, бесконечно старая, но вечно прекрасная, вокруг которой со всех сторон роются и порхают духи. Почтенный старец записывает незыблемые законы: он определяет количество звезд в каждом созвездии, заставляет одни двигаться, другие – покоиться, и все живет и умирает по заранее установленным законам...» [10: 33. *Перевод наш. – С. В., Н. Ю.*].

Данный отрывок представляет собой уникальное переплетение античных мифологических представлений, обработанных поэтическим воображением Клавдиана (общеевропейский символ змеи, персонификация времени и законов природы). Типичные для культа Великой матери атрибуты хтонической плодотворности дополняются недостижимостью и функционалом, связанным с основополагающими категориями времени и пространства.

Схожая ситуация наблюдается и в рассматриваемом нами отрывке из «Фауста». Однако, в отличие от Клавдиана, создавшего сложную сцену с несколькими образами-символами, Гёте закрепляет схожие функции и атрибуты именно и только за Матерями, конструируя тем самым комплексный образ, совмещающий в себе сразу несколько античных представлений.

Таким образом, Матери, явившиеся в тексте «Фауста», наследуют основополагающий признак архаических культов Великой матери – функцию первичной порождающей все живое силы, пассивного женского начала, лежащего в основе жизни как таковой. В то же время наблюдается явная модификация образа, выраженная в расширении функционала и усилении значимости богинь, выступающих в роли находящегося вне зависимости от времени и пространства регулятора самой потенции жизни. Представляется возможным проследить истоки образа Матерей в античной культурной традиции, унаследованной и воспринятой Гёте через посредничество немецкого барокко.

Матери и волшебная сказка

В самой структуре рассматриваемого эпизода невозможно не усмотреть ряд совпадений со строением волшебной сказки. Путешествие Фауста в царство Матерей почти идеально соотносится со структурой волшебной сказки, предложенной В. Проппом в знаковой «Морфологии волшебной сказки».

Именно с помощью оптики, предложенной Проппом, представляется возможным в полной мере определить значение целого ряда деталей сцены.

Сам сюжет с отлучением героя в иной мир, расположенный за пределами привычных категорий времени и пространства, соотносится с архетипическим мотивом перехода в потустороннее царства в волшебных сказках.

Более того, в эпизоде усматривается целый ряд художественных деталей, которых можно отнести к категории волшебных предметов: Фауст получает от Мефистофеля ключ, который можно рассматривать как волшебный предмет, выполняющий функцию проводника между мирами. В то же время тот же самый ключ необходим герою для добычи главного волшебного средства – треножника. Причем именно с его помощью Фауст обретет способность призыва духов Елены и Париса, которая и является главной целью путешествия.

Сама встреча с Матерями не представляет прямой угрозы для Фауста, испытанием здесь становится скорее сам факт встречи с неведомым. Мефистофель предупреждает его об опасности, что соответствует сказочной модели предостережения перед встречей с неведомыми силами. Фауст должен преодолеть страх и пройти через таинственное пространство, что сближает этот эпизод с типичными сказочными испытаниями.

Путешествие Фауста к Матерям можно рассматривать как своеобразную модификацию типичной сказочной структуры, а значит, и как отражение универсального мифологического мировоззрения. И. В. Гёте использует традиционную фольклорную форму, как нельзя лучше подходящую для предприятия Фауста.

Заключение

Подводя итог, можно с уверенностью констатировать предельную сложность образа Матерей, являющегося средоточием огромного количества интертекстуальных связей.

И. В. Гёте, с присущей ему особой изобретательностью переосмысляет многовековую поэтическую традицию, уходящую своими корнями в античную мифологию. Представляется возможным выстроить длинную линию преемственности, берущую свое начало в архаических религиозных культурах, развивающуюся в эллинистическо-римский период и продолжающуюся, уже в европейском контексте, в творчестве автора «Фауста» при посредничестве представителей немецкой барочной культурной традиции.

Предметом особого интереса в данном случае становится не просто сам факт преемственности, но то, как указанные слои находят свое отражение в разных аспектах этого комплексного образа. Явившись результатом акта длительного и бессознательного творческого процесса, Матери аккумулируют в себе колоссальное античное наследие, чем отчасти и можно объяснить ту предельную художественную выразительность, с которой сталкивается читатель.

В этом свете особое значение приобретают слова, вложенные в уста одного из персонажей И. В. Гёте – пророчицы Макарии из романа «Годы странствий Вильгельма Мейстера», сложнейшего по своей архитектонике текста. Произведение заканчивается собранием изречений Макарии, посвященных темам, занимавшим писателя на протяжении всей жизни. Одно из них не только по-новому актуализируется в контексте нашего рассуждения, но и становится наилучшим его завершением:

«Самые оригинальные писатели нового времени оригинальны не потому, что сумели создать что-то новое, а только потому, что оказались способны говорить так, будто до них никогда не было сказано то же самое. Поэтому прекраснейший признак оригинальности – умение так плодотворно развивать воспринятую извне мысль, чтобы трудно было найти, сколько всего за нею спрятано» [2: 423].

Список литературы

1. Гесиод. Полное собрание текстов / вступительная статья В. Н. Ярхо; комментарии О. П. Цыбенко и В. Н. Ярхо. — М.: Лабиринт, 2001. — 256 с.
2. Гёте, И.В. Собрание сочинений: в 10 т. Т. 8, Годы странствий Вильгельма Мейстера, или Отрекающиеся / Иоганн Вольфганг Гёте; пер. с нем. С. Ошерова. — Москва: Художественная литература, 1979. — 462 с.
3. Гёте, И.В. Фауст: трагедия / Иоганн Вольфганг Гёте ; пер. с нем. Н. Холодковского. — М.: Издательство АСТ, 2020. — 544 с.
4. Литературная энциклопедия терминов и понятий / под редакцией А. Н. Николюкина. — М.: НПК «Интелвак», 2001. — 1600 с.

5. Лосев, А. Ф. Мифология греков и римлян / составитель А. А. Тахо-Годи; общая редакция А. А. Тахо-Годи и Н. Н. Маханькова. — М.: Мысль, 1996. — 975 с., 1 л. портр. — ISBN 5-244-00812-9.

6. Платон. Государство / перевод с древнегреческого А.Н. Егунова; вступительная статья Е.Н. Трубецкого; комментарии В.Ф. Асмуса; примечания А.А. Тахо-Годи. — М.: Академический проект, 2015. — 398 с. — (Философские технологии). — ISBN 978-5-8291-1671-2.

7. Плутарх. Сравнительные жизнеописания : В 2 т / Изд. подгот.: С.С. Аверинцев, М.Л. Гаспаров, С.П. Маркиш ; отв. ред. С.С. Аверинцев. — Т. 1. — 2-е изд., испр. и доп. — М.: Наука, 1994. — 702 с. ; 22 см. — (Литературные памятники). — ISBN 5-02-011568-1. — ISBN 5-02-011570-3.

8. Токарев С.А. (гл. ред.). Мифы народов мира: Энциклопедия [Электронный ресурс] / С.А. Токарев. — М., 2008. — (Советская Энциклопедия, 1980). — 1147 с.

9. Эккерман, И.-П. Разговоры с Гёте в последние годы его жизни / перевод с немецкого Н. Ман; вступительная статья Н. Вильмонт; комментарии и указатель А. Аникста. — Москва: Художественная литература, 1986. — 669 с. — (Литературные мемуары).

10. Claudianus, Claudius. Collected Works. With an English translation by Maurice Platnauer / Claudius Claudianus. — Cambridge (Mass.): Harvard University Press; London: W. Heinemann, 1922. — 440 p. — ISBN 0674991508.

11. Sandrart, Joachim von. Teutsche Academie der Bau-, Bildhauer- und Maler-Kunst / compiled and illustrated with numerous engravings by Joachim von Sandrart; revised, reorganized, and expanded in this new edition by Johann Jacob Volkmann. — Nuremberg, 1768. — 314 p.

REFERENCES

1. Hesiod. Complete Collection of Texts / introduction by V. N. Yarkho; commentary by O. P. Tsybenko and V. N. Yarkho. — Moscow: Labirint, 2001. — 256 p.

2. Goethe, J.W. Collected Works: in 10 vols. Vol. 8, Wilhelm Meister's Years of Travel, or The Renunciants / Johann Wolfgang Goethe; translated from German by S. Osherov. — Moscow: Khudozhestvennaya Literatura, 1979. — 462 p.

3. Goethe, J.W. Faust: Tragedy / Johann Wolfgang Goethe ; transl. from German by N. Kholodkovsky. — Moscow: AST Publishing House, 2020. — 544 p.

4. Encyclopedia of Literary Terms and Concepts / edited by A. N. Nikolyukin. — Moscow: NPK "Intelvak", 2001. — 1600 p.

5. Losev, A. F. Mythology of the Greeks and Romans / compiled by A. A. Takho-Godi; general editing by A. A. Takho-Godi and N. N. Makhan'kov. — Moscow: Mysl, 1996. — 975 p., 1 portrait leaf. — ISBN 5-244-00812-9.

6. Plato. The Republic / translated from Ancient Greek by A.N. Egounov; introduction by E.N. Trubetsky; commentary by V.F. Asmus; notes by A.A. Takho-Godi. — Moscow: Akademicheskyy Proekt, 2015. — 398 p. — (Philosophical Technologies).

7. Plutarch. Parallel Lives: In 2 vols / Prepared for publication by S.S. Averintsev, M.L. Gasparov, S.P. Markish; edited by S.S. Averintsev. — Vol. 1. — 2nd ed., revised and expanded. — Moscow: Nauka, 1994. — 702 p. ; 22 cm. — (Literary Monuments). — ISBN 5-02-011568-1. — ISBN 5-02-011570-3.

8. Tokarev, S.A. (ed.). Myths of the Peoples of the World: Encyclopedia [Electronic Resource] / S.A. Tokarev. — Moscow, 2008. — (Soviet Encyclopedia, 1980). — 1147 p.

9. Eckermann, J. P. Conversations with Goethe in the Last Years of His Life / translated from German by N. Mann; introduction by N. Wilmont; commentary and index by A. Anikst. — Moscow: Khudozhestvennaya Literatura, 1986. — 669 p. — (Literary Memoirs).

10. Claudianus, Claudius. Collected Works. With an English translation by Maurice Platnauer / Claudius Claudianus. — Cambridge (Mass.): Harvard University Press; London: W. Heinemann, 1922. — 440 p. — ISBN 0674991508.

11. Sandrart, Joachim von. Teutsche Academie der Bau-, Bildhauer- und Maler-Kunst / compiled and illustrated with numerous engravings by Joachim von Sandrart; revised, reorganized, and expanded in this new edition by Johann Jacob Volkmann. — Nuremberg, 1768. — 314 p.

THE ORIGINS OF THE IMAGES OF MOTHERS IN GOETHE'S FAUST

VASILEVA
Svetlana

*Candidate of philosophical sciences,
Associate Professor of the Department of Germanic
Philology and Scandinavistics,
Petrozavodsk State University, Institute of Philology,
Petrozavodsk, Russian Federation, milorada07@mail.ru*

YUZHAKOV
Nikita

*student of the Department of Germanic Philology and
Scandinavian Studies,
Petrozavodsk State University, Institute of Philology,
Petrozavodsk, Russian Federation,
nikyuzhaak@gmail.com*

Keywords:

Johann Wolfgang von Goethe
antiquity
literary studies
image
symbol
literary tradition
Germanic studies

Summary:

This article explores the origins of the figures of the Mothers in Johann Wolfgang von Goethe's *Faust*. The authors conduct a consistent intertextual analysis of the connections, within both synchronic and diachronic contexts, which served as a basis for the formation of Goethe's intricate poetic imagery. Employing methodologies from both philosophy and literary studies, the article offers a comprehensive characterization of the genesis of the Mothers and traces possible intertextual connections that indicate the direct continuity of Goethe's concept with ancient literary traditions. The analysis uses N. A. Kholodkovsky's translation of Goethe's tragedy *Faust* for a general analysis of the representation of the Mothers and for identifying the key characteristics associated with this image.

УДК 316.4

ПОРТРЕТ СОЦИАЛЬНЫХ СТРАХОВ ИНОСТРАННЫХ СТУДЕНТОВ: НА ПРИМЕРЕ ПЕТРОЗАВОДСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО УНИВЕРСИТЕТА

БОЛЯСОВА

**Дарья
Владимировна**

*преподаватель кафедры политических и социальных наук,
Петрозаводский государственный университет,
институт истории, политических и социальных наук,
Петрозаводск, Российская Федерация,
bolyasova1996@bk.ru*

КАРСТЕН

**Анна
Александровна**

*Специалист регистрационно-визового отдела,
Петрозаводский государственный университет,
институт истории, политических и социальных наук,
Петрозаводск, Российская Федерация,
A_karsten97@mail.ru*

Ключевые слова:

международная миграция
образовательная миграция
социальные страхи

Аннотация:

В рамках данной работы рассматривается учебная миграция, в частности социальные страхи иностранных студентов как фактор, влияющий на их стрессоустойчивость, длительность пребывания в принимающей стране, успешность обучения и окончания университета. Делается попытка составить портрет социальных страхов иностранных студентов, для дальнейшей выработки мер по оптимизации процессов, связанных с пребыванием и обучением студентов в вузе.

© 2025 Петрозаводский государственный университет

Получена: 28 февраля 2025 года

Опубликована: 28 марта 2025 года

В современном быстроменяющемся мире проблема миграции стоит очень остро. Факторами развития данной проблемы могут служить политическая нестабильность, экономические санкции, социальные и культурные изменения, которые происходят в обществе.

Если обратиться к статистике, то, согласно данным Росстата, в 2023 году на территорию России прибыло 15 477 848 человек. По сравнению с 2022 годом этот показатель вырос на 1 358 660 человек [1]. Среди целей миграции выделяются: служебная, работа, туризм, частная, учеба, транзит, регистрация ПМЖ, работа по обслуживанию транспортных средств.

Одним из наиболее активно развивающихся миграционных потоков является образовательная миграция. В целях учебной миграции в 2023 году на территорию нашей страны прибыло 523 860 человек, что на 121 388 человек больше, чем в 2022 году [1].

В Республику Карелия по данным за 2023 год в рамках международной образовательной миграции прибыло 854 человека. По сравнению с 2022 годом этот показатель сократился на 727 человек. Страны, из которых более всего мигрантов: Таджикистан, Азербайджан, Армения, Украина, Беларусь и др. [2].

В карельских высших учебных заведениях ежегодно активно идет набор иностранных

абитуриентов, а Министерство науки и высшего образования РФ регулярно выделяет квоты для иностранных граждан. В системе высшего образования предусмотрено поступление граждан, подтвердивших статус соотечественников, на общих основаниях на бюджетные места. Согласно аналитической записке о деятельности УВМ МВД по РК, с целью обучения на территорию Республики Карелия въехали студенты из таких стран как Китайская Народная Республика (23 %), Индия (17 %), Таджикистан (13 %), Иордания (9 %), Туркменистан (9 %). Большинство мигрантов проходит обучение в Петрозаводском Государственном университете (ПетрГУ) и в Петрозаводской государственной консерватории имени А. К. Глазунова.

Стоит отметить, что в российской системе образования реализуется стратегия интернационализации образования. Так, согласно Указу «О Концепции государственной миграционной политики Российской Федерации на 2019–2025 годы» от 31 октября 2018 года, подписанному президентом РФ, образовательная миграция является важнейшим элементом развития общественного потенциала страны. В 24 пункте Указа основными направлениями миграционной политики в области содействия свободному перемещению обучающихся, научных и педагогических работников являются: «повышение доступности образовательных услуг для иностранных граждан, включая совершенствование правил въезда в Российскую Федерацию и пребывания на ее территории иностранных граждан, в целях обучения в российских образовательных организациях; [...] совершенствование механизмов отбора талантливой иностранной молодежи для поступления в российские образовательные организации в пределах выделяемых квот» [3].

Что немаловажно, благодаря грамотной миграционной политике в области образования становится возможным обмен опытом и распространение инновационного потенциала среди молодежи и профессорско-преподавательского состава. Учебная миграция является источником дохода для вуза, поскольку предоставление образовательных услуг происходит на контрактной основе [4]. Студенты, приезжающие с образовательными целями в регионы, стимулируют культурный обмен между странами. С точки зрения демографической ситуации, данный вид миграции является способом увеличения численности населения региона. Иностранные студенты в будущем являются и трудовым потенциалом [5: 4].

В целом, хорошо адаптированные, способные, высококвалифицированные иностранные студенты в перспективе способны пополнить численность трудоспособного населения, стимулировать рождаемость в регионе и положительно влиять на все сферы жизни общества [6: 123]. Однако для получения положительных итогов необходимо вовремя отслеживать настроения иностранных студентов, их самочувствие в вузе, уровень их успеваемости и адаптированности в принимающем университете и регионе.

Целью данной работы является составление портрета социальных страхов иностранных студентов как одного из факторов, влияющих на социальное самочувствие и степень адаптированности и интегрированности студента-мигранта к жизни в незнакомой стране.

Базой для проведения исследования стал Петрозаводский государственный университет. Основными методами были: опросный метод и анализ данных.

Начать следует с описания с генеральной и выборочной совокупностей исследования. Так, согласно официальным данным, в Петрозаводском государственном университете обучается 663 иностранных студента (по состоянию на январь 2023 года). Выборочная совокупность нашего исследования составила 102 иностранных студента, проходящих обучение в Петрозаводском государственном университете. 53,9 % выборочной совокупности составили молодые люди и 46,1 % – девушки. По возрастным категориям в выборку попали студенты в возрасте 18–24 лет, которые составили 85,3 % и студенты в возрасте 25–34, которые составили 14,7 %. Что вполне логично, поскольку именно на этот возраст приходится обучение в университете. Подтверждает это и распределение по курсам. Первый курс составляет 32,4 %, второй курс – 25,5 %, 3 курс – 19,6 %, старшие курсы суммарно составляют 15,7 %. Более половины опрошенных составляют студенты из Индии – 54,9 %. Также в выборку попали студенты из Туркменистана – 12,7 %, Иордании – 6,9 %, Китая – 4,9 %, Узбекистана – 2 %, Таджикистана – 2 %. В категорию «другая страна происхождения» себя отнесли 16,6 % респондентов.

По информации регистрационно-визового отдела ПетрГУ, иностранные студенты обучаются практически во всех институтах. Большая часть иностранных студентов обучается в Медицинском институте (МИ) имени профессора А. П. Зильбера (на конец 2024 года в составе студентов МИ обучалось 688 человек). Также иностранные студенты проходят обучение в Институте педагогики и психологии (16 человек), в Институте лесных, горных и строительных наук (12 человек), в Институте физической

культуры, спорта и туризма (10 человек), в Институте биологии, экологии и агротехнических наук (8 человек) и др.

По семейному положению 78,4 % – холостые, 20,6 % находятся в отношениях.

Практически все опрошенные являются верующими – 89,1 %, что вполне объясняется культурой тех стран, из которых они приехали. Преобладающими религиями являются буддизм, ислам.

Более половины опрошенных оценили свое финансовое положение как благополучное «нет никаких материальных затруднений» – 51,5 %, среднее – 31,3 %, ниже среднего – 5,1 %. «Затрудняюсь ответить» – 12,1 %

При разработке программы исследования авторами была составлена факторная интерпретация, согласно которой на появление страхов у иностранных студентов могут влиять: настроение и эмоциональное состояние опрашиваемого, политическая ситуация в родной стране, семейное положение, верования, материальное положение.

В инструментарии исследования был включен вводный вопрос «Что бы Вы могли сказать о своем настроении в последние дни?», который позволял плавно подвести к главному вопросу исследования и также проверить один из факторов – влияние настроения и эмоционального состояния респондента на степень выраженности страхов.

Так, 52 % опрошенных оценили свое состояние как нормальное, ровное. 22,5 % оценили как прекрасное настроение. И 19,6 % отметили, что испытывают напряжение, раздражение. 3,9 % испытывали страх, тоску в момент опроса.

Следующий вопрос, который задавался студентам в рамках исследования был: «Что для Вас страх? Что Вы понимаете под словом “страх”?».

На основании этого вопроса было выявлено, что практически половина опрошенных понимает под словом «страх» ситуации, когда нарушается привычный уклад жизни человека, он испытывает дискомфорт и напряжение – 47,1 %. Однако, также существенную долю – 24,5 % занимает и вариант ответа «Отрицательная эмоция вследствие потенциальной опасности (реальной или воображаемой)», что говорит об эмоциональной составляющей данного феномена. События, предметы, вызывающие чувство боязни, ужаса – 21,6 %.

В категорию «другое» были отнесены следующие ответы (6,8 %): «Страха нет», «I don't fear anything, i fear God only», «Nothing like that», «Overthinking and imperfections and taunts etc.», «Fear is nothing for me», «Being alone».

Основным вопросом всего исследования являлся вопрос о выраженности того или иного страха в жизни респондентов. Вопрос звучал следующим образом: «Есть ли какие-либо страхи в Вашей жизни? Насколько сильно они выражены?». Респондентам предлагалось оценить от 0 до 5 баллов степень выраженности того или иного страха в их жизни.

Так, при анализе полученных данных, было проведено ранжирование социальных страхов, на основании которого была построена классификация в зависимости от степени выраженности страхов по среднему баллу. Исходя из системы оценивания можно было выделить 3 ранга: сильно выраженные – средняя оценка 3.0–5.0 баллов, средне выраженные – от 2.,99 до 2.0 баллов, слабо выраженные – от 1,99 до 0.0.

В категорию сильно выраженных страхов не был отнесен ни один страх, что говорит о достаточно среднем и низком уровнях тревожности у иностранных студентов.

В категорию средне выраженных страхов, были отнесены следующие:

- Страх за близких (их болезни, неудачи...) – средняя оценка 2,5 балла.
- Отчисление из университета – средняя оценка 2,3 балла.
- Конфликты в семье, разрыв с близкими людьми – средняя оценка 2,2 балла.
- Экономическая нестабильность (кризисы, повышение цен, снижение доходов, потеря сбережений и т. д.) – средняя оценка 2,1 балла.
- Депортация из страны – средняя оценка 2,1 балла.
- Международная напряженность, военные действия – средняя оценка 2,0 балла.

В категорию слабо выраженных попали следующие страхи:

- Преступность, криминальная обстановка – средняя оценка 1,9 балла.
- Безработица, потеря работы, не найти работу – средняя оценка 1,9 балла.
- Бедность, нищета – средняя оценка 1,9 балла.

- Беспорядки, конфликты внутри страны – средняя оценка 1,8 балла.
- Бюрократические трудности в обучении (проблемы с документами) – средняя оценка 1,8 балла.
- Страх ошибки – средняя оценка 1,7 балла.
- Стихийные бедствия (наводнение, землетрясение, цунами и т. д.) – средняя оценка 1,6 балла.
- Религиозные страхи (страх Божьей кары, греха и т. д.) – средняя оценка 1,6 балла.
- Страхи, связанные с жестоким обращением со стороны родных, окружающих – средняя оценка 1,5 балла.
- Страх потери чего-либо (вещи, работы, лишиться красоты) – средняя оценка 1,5 балла.
- Страх публично проявлять свои чувства (высказывать, обозначать потребности, предъявлять требования, сказать «нет») – средняя оценка 1,4 балла.
- Страх быть отвергнутым (получить отказ, быть непризнанным) – средняя оценка 1,4 балла.
- Страх одиночества (не найти «своего человека», оказаться брошенным своим партнером, страх развода) – средняя оценка 1,4 балла.
- Страх осуждения, порицания со стороны окружающих – средняя оценка 1,2 балла.
- Боязнь смерти – средняя оценка 1,1 балла.
- Страх принять самостоятельное решение (взять на себя ответственность, нежелание рисковать, что-либо сделать впервые) – средняя оценка 0,9 балла.
- Боязнь старости – средняя оценка 0,9 балла.
- Потусторонние силы (привидения, инопланетяне и т. д.) – средняя оценка 0,8 балла.

Помимо классификации социальных страхов иностранных студентов в зависимости от ранга, были также выделены категории страхов на основе факторного анализа (КМО = 0,909. Критерий Бартлетта $p = 0,000$, доля объясненной дисперсии 71 %).

Согласно факторному анализу было выделено 7 групп социальных страхов иностранных студентов:

1) *Личностные страхи* – страх принять самостоятельное решение (взять на себя ответственность, нежелание рисковать и т. д.) (0,795); страх ошибки (0,78); страх осуждения, порицания со стороны окружающих (0,684); страх публично проявлять свои чувства (высказывать, обозначать потребности и т. д.) (0,679); страх быть отвергнутым (получить отказ, быть непризнанным) (0,608); страх потери чего-либо (вещи, работы, лишиться красоты) (0,577).

Личностные страхи характерны для каждого человека, их выраженность зависит от уверенности человека в себе, от его социальной вовлеченности, самооценки и т. д. Эта категория страхов носит индивидуальный характер. У иностранных студентов проявление этих страхов более активно в обычной жизни, что может быть связано с тем, что они находятся в чужой стране, приходится рассчитывать только на себя, есть языковой барьер и т. д. Поэтому в таких условиях страхи самостоятельно принимать решение, брать на себя ответственность, потерять что-либо обостряются.

2) *Страхи, связанные с учебной деятельностью* – отчисление из университета (0,805); депортация из страны (0,782).

Данные страхи выделяются в отдельную категорию и являются сильновыраженными, поскольку от них напрямую зависит пребывание студентов в России. У студентов есть ряд обязанностей, связанных со своевременным предоставлением документов в университет, прилежным обучением, успешной сдачей сессии и т. д.

3) *Глобальные страхи* – международная напряженность, военные действия (0,874); стихийные бедствия (наводнение, землетрясение, цунами и т. д.) (0,8); преступность, криминальная обстановка (0,798); беспорядки, конфликты внутри страны (0,737).

В данной категории страхов расположились страхи, которые напрямую от человека не зависят. Однако если мы сравним эти страхи с предыдущей классификацией, то можно отметить, что иностранных студентов волнуют данные страхи выше среднего. В странах ближнего зарубежья, гражданами которых являются опрошенные студенты, время от времени происходят политические потрясения, военные конфликты, различного рода беспорядки внутри страны. Поэтому студенты опасаются и испытывают напряжение от этих страхов.

4) *Страхи экономического характера* – бедность, нищета (0,839); экономическая нестабильность (кризисы, повышение цен и т. д.) (0,732).

В целом, если посмотреть на описание выборочной совокупности в начале статьи, то бросается в глаза, что половина опрошенных абсолютно не испытывают финансовых трудностей. Связано это с переводом валюты иностранных студентов в рубли и разницей в ценообразовании. Однако, проблемы бедности и экономической нестабильности все равно волнуют студентов.

5) *Страхи, связанные с сверхъестественными силами* – религиозные страхи (страх Божьей кары, греха и т. д.) (0,624); потусторонние силы (привидения, инопланетяне и т. д.) (0,51).

Данные страхи менее выражены среди иностранных студентов. Страху потусторонних сил они подвержены в меньшей степени, а к Божьей каре относятся с почтением, ведь в основном живут, как велит им вера.

6) *Здоровье и страхи, с ним связанные* – боязнь смерти (0,746); боязнь старости (0,724).

Страхи смерти и старости также под воздействием религиозного фактора выражены менее всего, об этом свидетельствуют открытые ответы студентов.

7) *Страхи, связанные с окружением человека*, – страхи, связанные с жестоким обращением со стороны родных, окружающих (0,724); страх за близких (их болезни, неудачи...) (0,658); страх одиночества (не найти «своего человека», страх развода) (0,65); конфликты в семье, разрыв с близкими людьми (0,548).

Страхи, связанные с окружением и родными людьми, волнуют любого человека. Однако, когда ты находишься на обучении в другой стране, вдали от семьи и родного дома, они обостряются.

После основного вопроса про страхи шел вопрос про то, борются ли иностранные студенты со своими страхами или нет. Как оказалось, 57,8 % опрошенных не предпринимают никаких мер по борьбе со страхами, и всего 42,2 % стараются их преодолеть. Всего было получено 52 варианта ответа, как можно преодолевать страхи.

Были выделены следующие группы методов борьбы со страхами (*написание и грамматика сохранены*):

1. «Сохраняю спокойствие, отсутствие мыслей о страхах» (12 ответов): «*I just forgetting the things about which I feel fear*»; «*Nothing*»; «*By keeping calm*»; «*Keeping mind calm by long inhale and exhale...*»; «*Stay claim*»; «*It just passes and I besr it it and get over it*»; «*fear nothing.*»; «*Fear means nothing to me*»; «*Не думаю о них*»; «*Никак*»; «*Просто, забывая про них*»; «*Игнорирую, никак*».
2. «Борьба со страхом, поиск способов решения» (12 ответов): «*By facing them*»; «*By showing strength*»; «*Face it*»; «*Work on it*»; «*By facing the fear by going through it*»; «*Confidently*»; «*Я стараюсь понимать три языка, чтобы хотя бы найти работу здесь или моя стране, или, может быть, вернуться в свою страну, но со знанием русского языка, чтобы служить иностранцам в своей родной стране*»; «*По плану как надо*»; «*Я стараюсь понять их, а не отвергать или рационализировать*»; «*я себя возьму на руку и постараюсь не паниковать и смотря какие проблемы такие же решения!*»; «*я готовлюсь к трудностям*»; «*лучший способ избавиться от своих страхов – встретиться с ними лицом к лицу*».
3. «Позитивный настрой» (9 ответов): «*All will be well*»; «*Just Chilling*»; «*Always stay positive and tell yourself whatever God does its always for our betterment*»; «*With calm and positivity*»; «*By taking proper actions/by making myself calm and to think positively on the situation*»; «*By staying away from that specific things I get fear of. And try being in safer side.*»; «*Я стараюсь мыслить позитивно*»; «*Стараюсь не думать о плохом и настроиться на положительное*»; «*Я всегда стараюсь смотреть на положительные стороны*».
4. «Рефлексия, психологические методы, молитвы, медитации» (6 ответов): «*I think that God is with me . And nothing can harm me if God is with me .*»; «*Read bible*»; «*Meditationes*»; «*Take time with myself, I usually pray about it and avoid overthinking it*»; «*Cry. Praying to allah. Making strong by remembering parents struggle*»; «*I don't have any type of fear just saying my god name*»; «*Я напоминаю себе, что все, что произошло и еще произойдет, – это воля Божья*».
5. Поиск поддержки у семьи, друзей (4 ответа): «*Talking to my family and friends*»; «*With Family and friends support*»; «*discussing with friends*»; «*i communicate about it with my partner as he knows about of insecurities and fears. then we come to a conclusion or understanding about fighting that fear*».
6. «Отвлекаюсь на другие вещи» (9 ответов): «*Don't know*»; «*Sleeping*»; «*They r many reasons!*»; «*Doing things that allivate mood of fear*»; «*It's simple, trying to figure out where I'm lacking to get out of it and trying to improvise myself on those areas physically and mentally and starting to accept the reality is not my cup of tea, changing the reality accordingly to our strategy is the best way to come out of fear.*»; «*Работаю и пытаюсь не обращать внимания*»; «*Я все время стараюсь делать разные вещи, выхожу из зоны комфорта*»; «*С спортом и читаю*»; «*Слушать музыку*».

В рамках данной статьи мы приходим к выводу, что учебная миграция является эффективным инструментом в развитии системы образования и ее финансировании, играет важную роль в демографическом развитии региона и увеличении его трудового потенциала. Однако, большую роль в привлечении студентов и их сохранении на территории региона на протяжении всего периода обучения и после его окончания играет социальное и психологическое состояние иностранных студентов. Необходимо регулярно контролировать уровень социальной напряженности среди студентов, отслеживать степень выраженности страхов студентов, уровень их адаптированности и вовлеченности в учебный процесс.

Согласно данным, полученным в рамках исследования, мы можем сказать, что в структуре страхов иностранных студентов Петрозаводского государственного университета преобладают страхи, связанные с семьей и близким окружением; страхи, связанные с обучением как возможностью остаться и построить себе будущее в России, а также страхи, связанные международной напряженностью и экономической нестабильностью. Последняя группа страхов, вероятнее всего, имеет прямое отношение к родной стране студента-мигранта, и лишь вскользь к стране пребывания.

Менее всего выраженными страхами являются страхи, которые напрямую связаны с личностью человека, которые зависят от его характера, знаний, уверенности в себе и социальной вовлеченности студента. Также сюда относятся страхи перед потусторонними силами, что объясняется религиозной принадлежностью студентов.

В целом, иностранные студенты отличаются низким уровнем тревожности, что говорит о качественно выстроенных механизмах взаимодействия и вовлечения студентов-мигрантов в образовательный процесс в Петрозаводском государственном университете.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Федеральная служба государственной статистики [Электронный ресурс]. URL: <https://rosstat.gov.ru/compendium/document/13283> (дата обращения: 20.09.2024)
2. Территориальный орган Федеральной службы государственной статистики по Республике Карелия [Электронный ресурс]. URL: <https://10.rosstat.gov.ru/Nas> (дата обращения: 20.09.2024)
3. Концепция государственной миграционной политики Российской Федерации на период до 2025 года [Электронный ресурс]. URL: <http://www.kremlin.ru/acts/news/58986> (дата обращения: 22.10.2024).
4. Учебная миграция в Российскую Федерацию: региональная дифференциация и вклад в социально-экономическое развитие регионов// Региональная экономика и управление: электронный научный журнал. ISSN 1999-2645. — №1 (65). Номер статьи: 6506. Дата публикации: 22.01.2021. Режим доступа: <https://eee-region.ru/article/6506/>
5. Письменная, Е.Е. Социальные последствия учебной иммиграции в Россию (вопросы теории и методики исследования). Дисс. ...д-ра социол. наук по спец-ти 22.00.03 – Экономическая социология и демография. – М.: ИСПИ РАН, 2009. – С. 4
6. Митин, Д.Н. Образовательная (учебная) миграция: понятие, проблемы и пути решения // Вестник РУДН. Серия «Политология». — № 3, 2010. — С. 123.

REFERENCES

1. Federal State Statistics Service [Electronic resource]. URL: <https://rosstat.gov.ru/compendium/document/13283> (date of reference: 20.09.2024)
2. Territorial body of the Federal State Statistics Service for the Republic of Karelia [Electronic resource]. URL: <https://10.rosstat.gov.ru/Nas> (date of reference: 20.09.2024)
3. Concept of the State Migration Policy of the Russian Federation for the period up to 2025 [Electronic resource]. URL: <http://www.kremlin.ru/acts/news/58986> (date of reference: 22.10.2024).
4. Educational migration to the Russian federation: regional differentiation and contribution to the socio-economic development of regions// Regional economy and management: electronic scientific journal. ISSN 1999-2645. — №1 (65). Art. #6506. Date issued: 22.01.2021. Available at: <https://eee-region.ru/article/6506/>
5. Pismennaya, Ye.Ye. Social consequences of educational immigration to Russia (questions of theory and research methodology) [Sotsial'nyye posledstviya uchebnoy immigratsii v Rossiyu (voprosy teorii i metodiki issledovaniya)]. Diss. ... Dr. Sociol. special sciences 22.00.03 — Economic sociology and demography. — М.: ISPI RAN, 2009. — 4
6. Mitin, D.N. Educational (educational) migration: concept, problems and solutions [Obrazovatel'naya (uchebnaya) migratsiya: ponyatiye, problemy i puti resheniya]// Bulletin of RUDN. Series «Political Science». — No. 3, 2010. — P. 123.

PROFILING SOCIAL FEARS OF INTERNATIONAL STUDENTS: A CASE STUDY OF PETROZAVODSK STATE UNIVERSITY

**BOLIASOVA
DARYA**

*Lecturer of the Department of Political and Social Sciences,
Petrozavodsk State University, Institute of History,
Political and Social Sciences,
Petrozavodsk, Russian Federation, bolyasova1996@bk.ru*

**KARSTEN
Anna**

*Specialist of Registration and Visa Department,
Petrozavodsk State University,
Petrozavodsk, Russian Federation, A_karsten97@mail.ru*

Keywords:

international migration
educational migration
social fears
social anxieties

Summary:

This paper examines educational migration, specifically focusing on the social anxieties experienced by international students and how these fears influence their stress resilience, duration of stay in the host country, academic success, and graduation outcomes. The study aims to create a comprehensive profile of the social fears faced by foreign students, with the goal of informing the development of strategies to enhance their experience and educational processes at the university.